

ДЕВЯТЬ СЛОВ
ШАХРАЗАДЫ

Шахразода

ГОРЯЧЕ НОЦ
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"АСТ" МОСКВА

Шахразада
Девять снов Шахразады
Серия «Горячие ночи Востока»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7286501
Девять снов Шахразады: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», ; Харьков; 2013
ISBN 978-966-14-1471-5, 978-966-14-4869-7

Аннотация

Дочь великого визиря Шахразада по-прежнему любима, но она всего лишь женщина, лишь жена царя Шахрияра. И ее супруг вынужден уделять больше внимания государственным делам – внимания, которое должно принадлежать царице! А далеко-далеко, в мире снов, куда Шахразада все чаще погружается в сладостном предвкушении, ее ждет мужчина, для которого она – божество...

Содержание

Свиток первый	11
Свиток второй	15
Свиток третий	23
Свиток четвертый	29
Свиток пятый	32
Свиток шестой	36
Свиток седьмой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Шахразада

Девять снов Шахразады

Роман

– Итак, что же произошло с тем разряженным глупцом?

Шахразада улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– О нет, мой принц. Этой истории сегодня не место. Сегодняшняя сказка будет повестью о морских разбойниках. И об их истинных и мнимых врагах.

Да, Шахразада знала, как завладеть душой принца. Она намеренно избрала эту историю – ведь в ней было все, чтобы изловить Шахрияра. Мудрая рассказчица, подобно насто-

ящему рыбаку, уже знала, как должен выглядеть крючок с наживкой и как именно вытащить из мутных вод сомнения светлую душу принца.

Шахрияру, конечно, хотелось узнать историю о морских разбойниках. Ведь ему, как никому другому, были бы созвучны их чувства. Но куда более, чего греха таить, ему была бы интересна сказка о любовной встрече такого морского разбойника с девой, которую он, к примеру, спас бы из вод морских. Удивительные грани чувств, разные лики любви, описываемые Шахразадой, воспламеняли его воображение. А в нем... О, в нем царила она, мудрая красавица с коварным голосом и обворожительно прекрасным телом.

«Аллах всесильный! Да я готов и вовсе ничего не слушать... Пусть она молчит, лишь бы разделила со мной наступающую ночь и страсть, которая накрывает меня при одном взгляде этих милых, прекрасных глаз!»

Но Шахразада молчать не собиралась. О нет. Для нее сегодняшний вечер был решающим. А потому она, чуть улыбнувшись, привычно устроилась в древнем, но таком уютном кресле и начала свою повесть о странниках.

Бесшабашный капитан Малыш Анхель уже готов был вступить в бой с неведомыми врагами, его боцман уже дал команду подготовить abordажные крючья. Даже волны, что становились все выше, и ветер, свежавший и набирающий силу, не могли помешать Анхелю.

«Аллах всесильный, да этот капитан – рискованный парень, настоящий джентльмен удачи... – Шахрияр почувствовал, как и его ноги, обутые в мягкие туфли из тончайшей кожи, заскользили по мокрой палубе. Горизонт привычно накренился, и усиливающаяся качка отдалась болезненным ударом в ушах принца. – Но откуда может обо всем этом знать милая рассказчица? Как, каким чудом ей дано описать разгулявшийся шторм, как она может знать о пении снастей в крепчающем ветре? Откуда она прознала о коварных песчаных банках, которые я сам встречал вдоль срединной отмели Узкого моря?»

Увы, ответов на эти вопросы не знала и Шахразада. Однако она чувствовала холод и жгучую влагу пронизывающего ветра, от которого куталась в тонкую шелковую шаль, щедро украшенную охранительными рунами.

Корабли неприятеля появились ниоткуда. Миг – и навстречу Крысолову вышли из воздуха боевые маги полуночного народа, готовые ввязаться в схватку, движимые только собственными правилами. Голос капитана был едва слышен за воем свирепого ветра...

Шахрияр не выдержал.

– Откуда тебе ведомо все это, удивительная сказительница?

– Это написано на облаках, принц, – пожала плечами Шахразада. – Я же говорила тебе.

– Но откуда тебе знать, что нужно ставить заглушки, дабы вода не попала внутрь жерла? Откуда тебе ведомо, как ведут себя полуночные маги? И что такое древний Хоровод Камней?

– Я это знаю... – вновь пожала плечами Шахразада. – Просто знаю...

«Так говорит сказка, глупец... И это слышу я, прикасаясь мысленно к душам тех, о ком рассказываю сейчас...»

Первый залп дали пушки правого борта. Ядрам, стремительному «холодному железу», было все равно, какой корабль пускать под воду – магический или полный самых обыкновенных пиратов. Вот вода хлынула в трюм, вот раскрылась алым цветком крют-камера... И не стало тех, кто еще миг назад жаждал крови Малыша Анхеля и его команды настоящих головорезов...

– И я встречался с морской магией, – проговорил Шахрияр. – Лишь в страшном сне можно представить, что делает могущество полуночных друидов с простыми морскими душами. Клянусь, не видел я врагов более страшных, чем околдованные ими пленники. Это черное морское волшебство превращало их в кукол, которые не боятся идти под ядра, лезть в самое сердце схватки – ибо их ведет лишь магическое повеление. Присущий же всему живому страх у них крадут презренные колдуны.

– Должно быть, о мой повелитель, славно выходить победителем из схваток с ними?

– Славно-то славно... Но и горько. Ибо тот, кого ты знал как отважного врага, оказывается лишь безмолвным рабом магии, а сердце его превращается в сердце ягненка. А что за радость в победе над трусом, околдованным к тому же до потери страха?

Шахразада промолчала. О да, она могла бы возразить, что жизнь без всякой магии весьма часто превращает трусов в героев, а храбрецов – в бессильно блеющих овец. Что не многим везет оставаться самим собой, не поддаваясь соблазну приспособленчества.

Однако этот разговор, чувствовала девушка, следует перенести на иное время, а сейчас продолжить повествование о пирате, которому довелось встретиться с древней магией.

Океан могуче дышал, поднимая на добрый десяток локтей «Беспечную Пастушку». Но Малышу Анхелю было не привыкать. Вместе с боцманом он коротал эти вечерние часы за бутылочкой отличнейшего рома «Девять якорей». Того самого, от которого, можно спорить на дюжину бочонков золота, не отказался бы даже сам король Кастилии и Арагона... Хотя нет, там же королева... Но, должно быть, она бы не побрезговала пригубить этот воистину божественный напиток, доставившийся Малышу Анхелю после весьма успешного похода к прекрасному острову Мальорка.

Шахразада замолчала, повинувшись знаку принца.

– Должно быть, это очень древняя история...

– Увы, это мне неизвестно, мой повелитель... Но почему ты так решил?

– Потому, моя красавица, что имени этого корсара я не слыхал. А уж я знаю их всех наперечет. Кого встречал в портах, о ком слышал в тавернах... Некоторые же их имена золотыми буквами вписаны в историю мира за те открытия, которые они сделали на благо всех, даже собственных врагов.

– Собственных врагов, мой принц?

– Конечно... Ибо смельчак Дрейк первым обошел огромную Африку и нашел пролив, который пустил его в теплые воды у берегов Индии. А за проливом, знаменитым чудовищными волнами и свирепыми ветрами, закрепилось имя Дрейка – должно быть, он был столь же непримирим, как ветры и шторма... Но ты не ответила на мой вопрос, прекраснейшая.

– Увы, я не ответила оттого, что не знаю ответа. Ведомо мне лишь, что у этого пирата были и более чем уважаемые предки, – не зря же он гордился своим древним и длинным именем. Была и жена, о которой его душа всегда тосковала.

– Так расскажи же мне об этом, мудрая краса... Должно быть, неземные чувства связывали этого могучего воина с его возлюбленной...

– Ты сам увидишь это, – пряча улыбку, проговорила Шахразада. Да, она уже понимала, чем может зажечь интерес принца. Более того, именно ради истории о жене Малыша Анхеля и начала она свое долгое повествование.

Вспомнив о своем древнем роде и древнем имени, Малыш Анхель вспомнил и день своего венчания – день, когда подарил это самое имя прекраснейшей из женщин мира, малышке Марии-Эстефан, дочери двоюродного дядюшки.

Тихий голос Шахразады пропал, растаял в высоком зале с каменным полом, освещенном тысячами свечей, наполненном людьми и пением органа. Нетерпение, сжигавшее Анхеля, передалось принцу. Он, именно он, мечтал соединить свою жизнь с жизнью желанной красавицы. Он, именно он, опасался, что свадьба расстроится. И именно он видел перед собой теплые глаза цвета шербета, темные пряди, выбившиеся из-под небесно-голубой бархатной шапочки, прикрывавшей, по моде все тех же франков, волосы любимой.

Именно он, Шахрияр, чувствовал нетерпение, которое нарастает в его сердце. Предвкушал, как запоеет душа в тот миг, когда он назовет ее своей женой. Ее, встретившуюся на его пути совсем недавно, но ставшую единственной, самой желанной женщиной, обещанной, должно быть, ему еще до того, как он родился.

«Как будет, похоже, сладок тот миг, когда она согласно кивнет в ответ на вопрос имама...»

Девушку же мучили совсем иные мысли. «Как, должно быть, будет больно узнать о том, что принц избрал себе жену... В тот день я сама взойду на плаху – ибо знать, что он предпочел другую, сознавать, что она делит с ним страсть, станет воистину нестерпимо...»

Голос Шахразады чуть дрогнул, но она продолжила, ибо чувствовала, что сейчас решается именно ее судьба.

Наконец они остались одни. Мария-Эстефан улыбнулась мужу. И от этой улыбки голова Анхеля закружилась.

– Как я ждала этого мига, – сказала она и счастливо вздохнула. Анхель не мог отвести от нее глаз. – Я мечтала о вас, мой Анхель, с того самого дня, как увидела вас впервые. Тогда вы были моим любимым старшим братом. Потом вы стали моим наваждением.

Повторяя то, что только что описала, Шахразада встала с кресла, прошла несколько шагов и наконец встала рядом с Шахрияром, опершимся на стену у открытого в теплую ночь окна.

Она не знала, не чувствовала, произносила ли вслух какие-то слова или просто делала то, о чем шептала легенда. Лишь одно было ей ведомо – сейчас или никогда. Она должна поведать принцу о своем чувстве, должна открыться ему, должна отдаться – не как покорная рабыня, а как забирающая саму душу повелительница...

– Я видела вас во сне. Я готовилась к этому вечеру, мой прекрасный.

Он чувствовал тепло ее руки сквозь шелк рубахи. Тело его горело желанием, но, удивительно, это лишь укрепляло его уверенность. Нет, он не надругается над ней.

– Вы слышите меня, Анхель? – спросила Мария, продолжая медленно поглаживать его.

«Слышишь ли ты меня, мой единственный? Или тебе ведомы лишь слова, которые произносит далекая, быть может, давно умершая красавица, объясняясь в любви своему супругу?»

«Твои ли это слова, мое сокровище, или ты просто произносишь то, о чем повествует давняя легенда? Как бы хотел я услышать твои, только твои, любимая, слова о том, что именно ты мечтала обо мне, именно я стал твоим наваждением...»

– Я люблю вас, люблю больше жизни. Я любил вас всегда. Но не могу оскорбить вашей чистоты низменным желанием земного мужчины.

– Я знаю лишь одно, Анхель. Что я мечтаю насладиться вами и тем, что отныне принадлежу вам. Что перед Богом и людьми я ваша жена. И я

прошу, о нет, я требую, чтобы вы стали моим мужем. Настоящим, земным, желанным.

Шахразада теперь стояла прямо перед принцем. Его лицо искажалось вслед за его терзаниями – он ли желал ее, или далекий глупец желал, но не решался насладиться своей суженой.

Девушка подняла глаза и встретила взглядом принца.

– Я мечтаю о тебе, мой повелитель. Мечтаю насладиться тобой и тем, что подарит нам миг нашего соединения.

Шахрияр застонал. Он не мог больше сдерживаться. Его сил хватило лишь на то, чтобы увлечь Шахразу на мягкие подушки, которыми были щедро устланы роскошные ковры.

«Будь что будет! Я должен соединиться с ней, пусть она этого и не хочет!»

Принц прильнул губами к шее Шахразы. Она выгнулась в его руках и застонала. О, как мечтала она об этом миге... Как желала его.

Но червь сомнения все еще терзал душу девушки. И она, отстранившись, продолжила свой рассказ. Не убрав, впрочем, рук принца со своего тела...

– Насладитесь мной, молю вас. И дайте насладиться вами!

Прикосновение к ее телу было таким прекрасным, таким волшебным. Одна часть его души желала, чтобы это длилось вечно. Но его разум или, быть может, сейчас его безумие, подсказывал: «Беги от нее! Оставь ее в покое!»

– Нет, моя мечта... Вы не сможете отворотить меня от принятого решения.

– Я боялась того, что умру, так и не испытав наслаждения любви, – перебила она его. – Не насладившись вами. Ибо только вы, вы один нужны мне, Анхель. И только вас вижу я своим мужем. Неужели вы совсем не любите меня?

Решившись, Шахразада проговорила:

– Только ты нужен мне, мой принц. Только тебя вижу я перед собой во всякий миг своей жизни. Насладись же мной и дай насладиться тобой. Пусть это будет всего один раз. Но дай мне отраду нашей близости так, будто она будет потом повторяться еще сотни раз... Дай почувствовать тебя своим...

Однако уста ее не решились сказать самое главное слово.

Голова Шахрияра прояснилась. Его, именно его, а не неведомого Анхеля, молила красавица о близости. Его, а не кого-то чужого, желала. И молила та единственная, кого он бы желал видеть своей и называть своей во всякий день жизни.

– Только ты нужна мне, моя греза... Только тебя я вижу перед собой. Только тебя хочу ласкать, называя единственной, называя своей мечтой, своей женой...

О, это страшное и колдовское слово! Оно, подобно лучу солнца, осветило две души, слившиеся в единое существо. И теперь это существо молило, мечтало, чтобы тела также слились воедино.

Однако где-то в глубине души Шахразы была еще не готова вновь стать самой собой. Она продолжила рассказ, спрятавшись за словами, чтобы продлить его муки или, быть может, укрепиться в принятом решении.

– Я не знаю, что мне делать, – признался он и обреченно махнул рукой. Она вошла в его объятия, и невыносимая боль, наполнявшая его сердце, постепенно утихла.

– Зато я знаю, – прошептала Мария.

«Аллах великий, я больше не могу... Не могу больше быть Марией, джиннией, грезой... Я хочу быть самой собой!»

Эта мысль, такая простая, все поставила на свои места. И вот уже не неведомая красавица, а она, дочь визиря, Шахразада, решилась.

Она повернулась к принцу лицом и поцеловала его в губы.

Он не сразу позволил ей обнять себя. А ей так хотелось этого! Она нуждалась в этом точно так же, как ее телу необходимо было дышать. Несмотря ни на что, ей нужно было показать ему, Шахрияру, как сильно она его любит.

Удивительное ощущение пронзило все существо девушки – он, тиран, бунтарь, пират, он, принц Шахрияр, был предназначен ей с самого первого дня. И сейчас он узнает, почувствует, как его может любить женщина, ибо в этой любви соединятся две части одного целого.

Этот поцелуй, столь непохожий на все, что чувствовал принц ранее, обжигающий и несмелый, страстный и робкий, сказал Шахрияру самое главное.

Только она, Шахразада, была настоящей, пылкой и желанной. Она и в самом деле любила его. И это желание, горевшее в ее глазах, воспламенило его так, как не могло воспламенить ни одно повествование, сколь бы красочным или откровенным оно ни было.

Шахразада решилась и коснулась языком губ принца. Это прикосновение было робким и неуверенным, и она почувствовала, как Шахрияр напрягся от удивления. Он даже пытался отодвинуться от нее, но она крепко обвила его шею руками.

– Я люблю тебя, мой принц, – прошептала она чуть слышно.

Девушка прижалась устами к его устам и дала ему ощутить дрожь, охватившую все ее тело. Она робела, сдерживалась... И тогда он сначала неуверенно, затем все смелее стал ласкать ее языком. Они прикасались языками, как бы дразня друг друга, и этот прекрасный танец, игривый и чудесный, захватил их.

– Я люблю тебя, мой принц, – снова прошептала она, чувствуя, как его руки прижались к ее телу.

Телом она ощущала его желание, но поцелуи и движения Шахрияра по-прежнему были осторожными, почти робкими. О, как мало походил он сейчас на того, кто наслаждался ее телом всего несколько дней назад. Заглянув ему в глаза, она произнесла в третий раз:

– Я люблю тебя. – И снова поцеловала его.

На этот раз встреча их губ была неистовой, они все глубже и сильнее проникали друг в друга; теперь их поцелуй больше напоминал сражение, а не танец; каждый из них стремился больше взять, чем отдать.

Внезапно Шахрияр оторвался от нее. Дыхание, которое вырывалось из него толчками, стало хриплым.

– Я хочу тебя, – выпалил он. – Я мечтаю о тебе, моя греза, моя жизнь... Моя жена...

И вновь это слово огорошило своей силой их обоих, заставив сильнее сомкнуть объятия.

Она снова поцеловала его. На этот раз ее поцелуй был более властным и требовательным. Она впилась в губы Шахрияра, и он почувствовал силу ее желания и неудовлетворенность. Ее тоску по нему.

– Так это всегда была ты? – потрясенно произнес принц, не в силах ни разомкнуть объятия, ни сделать следующий шаг. – Всегда лишь ты, во всех обличьях? Лишь твоя душа жаждала моей души? Лишь твое тело отдавалось моему?

– Я... Должно быть, я всегда ждала лишь тебя. И чувствую только тебя. Всегда, как сейчас, – прошептала она.

Слезы заполнили ее глаза, и впервые Шахразада не попыталась скрыть их.

– Лишь ты царствуешь в моей душе, лишь ты желанна моему телу, лишь о тебе одной мечтает все мое существо...

Ничего не ответила Шахразада, только раскрыла глаза навстречу порыву, который захватил принца. Его ласки были почти болезненными, его движения – почти грубыми, а соединение их тел – почти мучительным.

Однако эта мука стала настоящей отрадой для обоих, разрешившись невиданным по силе взрывом. И в этот миг две души, жаждавшие друг друга, соединились в одну душу.

Шахрияр, придя в себя, произнес одно-единственное слово, которое прозвучало как клятва:

– Согласна?

И Шахразада ответила:

– Согласна.

Свиток первый

Спустя пять лет

В который уж раз за прошедшие годы Герсими бросила взгляд на стену Малого церемониального зала. Там, на почетном месте, скрепленный Большой Печатью, красовался свиток, называвший Шахразаду, дочь визиря Ахмета и его жены, мудрой Сафии, женой халифа Шахрияра Третьего перед лицом Аллаха всемогущего и всевидящего и перед всем миром.

И в который раз поразились тому, что по-прежнему дышат настоящим чувством сухие строки, что печать скрепляет две души, и в самом деле созданные друг для друга.

Герсими светло улыбнулась: она не завидовала своей «сестричке», ставшей пять лет назад для нее настоящей сестрой, — ибо она сама была замужем за младшим братом халифа Шахрияра, его первым советником, Шахземаном. Наоборот, она радовалась тому, что пять лет назад смогла уберечь от беды тех, кого считала самыми близкими своими людьми. Тех, кто и в самом деле смог стать ее семьей.

Прошедшие годы подарили Шахразаде прекрасных сыновей-близнецов и милую дочурку. Герсими обрела сына и готовилась к тому, что вскоре порадует супруга еще одним отпрыском. Иногда, к счастью, история, начинающаяся как трагедия, превращается в добрую волшебную сказку.

Так, как произошло это у мудрой и веселой Шахразады, сумевшей уберечь собственную голову, пустив ее в дело. Мало того — дочь визиря смогла не только развеять заклятие, тяготеющее над принцем Шахрияром. Шахразада из несчастной, обреченной на смерть, превратилась в любимую жену халифа, который и в самом деле не чаял в ней души.

Иногда Шахземан со смехом повторял, что в нем, «мудрейшем из мудрых», нет вовсе никакой надобности, ибо Шахразада всегда подсказывает мужу решение, которое любой мудрец (да и любой обычный человек) счел бы единственно верным и к тому же самым простым. Пусть халиф Шахрияр иногда хмурился, услышав слова своей жены, но все же прислушивался к ее тихому голосу так, как не прислушивался и к крикам всего дивана.

Цвела великая страна, управляемая, что тут скрывать, не без помощи умной и любящей женщины. Очень скоро перестали засматриваться на ее богатства кровожадные соседи, рассудив, что через какое-то время породниться с великим халифом Кордовы будет куда проще, чем вложить немало золота в подкуп царедворцев или интриги дивана, не говоря уже о тысячах душ, которые пришлось бы отдать в войне за пядь земли под рукой Шахрияра Третьего.

Да и сам халиф Шахрияр превратился в совершенно другого человека – годы спокойной жизни изгнали из его души печаль и суетность, а из разума – непреклонность и высокомерие. Даже Лев Кордовы, отец Шахрияра, не мог узнать в сыне того бунтаря и пирата, каким нынешний халиф был еще не так давно.

Шахрияр обожал жену, не мог нарадоваться своим детям... Совсем новыми глазами смотрел он на огромный мир вокруг и на свои, поистине безбрежные обязанности – ибо именно обязанностью, не обременительной, но безусловно ответственной, считал каждый миг правления страной.

– Удивительно, – пробормотала Герсими, оставив позади Малый церемониальный зал. – Сколь много может изменить разделенная любовь...

Хотя уж она-то знала, каким поистине долгим путем пришлось идти этим двоим к своему счастью, какую бездну перешагнуть. Знала она и то, что и само счастье оказалось возможным не без ее усилий, пусть она менее всего стремилась выдать свою наставницу замуж за наследника престола.

– Но мои прошлые мечты сейчас не имеют ни малейшего значения, ибо действительность оказалась куда слаще самых сладких грез...

Двери в селамлик закрылись за ее спиной. Огромный сад, благоухающий тысячами цветов, встретил Герсими.

– Сестричка! Как хорошо, что ты пришла! – Шахразада осторожно обняла невестку.

Та ответила нежной улыбкой, удивляясь, когда же можно было соскучиться им, если они видятся едва ли не каждый день... Герсими взглянула в лицо царицы.

– Что-то случилось, Шахразада?

– Да, моя добрая сестра... Мне приснился странный сон. Я помню его совершенно отчетливо, хотя день уже клонится к вечеру. И более того, я ловлю себя на том, что мечтаю о ночи, ибо тогда смогу узнать, чем же закончилась сия престранная история...

– И только поэтому? Не потому, что мудрый Шахрияр наконец закончит свои дневные дела и ты сможешь насладиться вечером с любимым мужем?

Шахразада рассеянно махнула рукой.

– Это, конечно, тоже, но... Там, в ином мире, все так захватывающе, что я едва сдерживаюсь. Будь моя воля, я бы заставила солнце быстрее катиться по его вечной тропе.

Да, Герсими видела, что румянец на щеках невестки и впрямь вызван сжигающим ее нетерпением. Румянец и взгляды, которые то и дело бросала Шахразада на высокий гномон солнечных часов посреди сада.

– Быть может, ты поведаешь мне о своем сне, сестричка? Я попытаюсь его растолковать... И этим тебя немного успокою...

– Конечно, поведаю... Но вот только, думаю, в толковании не будет вовсе никакого проку.

– Почему?

– Мне кажется, Герсими, что я вижу не тот сон, который заставляет задуматься, или остановиться, или сделать решительный шаг вперед. Не сон-предупреждение или сон-напоминание... Нет... Мне кажется, что я, будто в щелочку, наблюдаю огромную, целую, живую и настоящую жизнь... Маленький кусочек какой-то другой жизни...

Герсими не стала переспрашивать или возражать, не пыталась и усомниться в словах Шахразады. Ибо дар царицы, дар оживлять мир несуществующий, удивительно обострил ее

интуицию. Шахразада как никто другой знала разницу между сном, явью и миром, возникшим перед взорами тех, кто слушал ее колдовские рассказы.

Когда-то сама Шахразада поведала историю о грезах Маруфа-башмачника, жившего одной и еще целой дюжиной жизней. Тогда Герсими сочла это удивительной и неправдоподобной фантазией. И даже мудрая богиня Фрейя, матушка Герсими, не смогла убедить дочь в обратном.

Вот и сейчас «сестричка» усомнилась в словах своей невестки.

– Кусочек какой-то другой жизни?

– Да, именно другой, нездешней... Там другие понятия о чести, долге... Другие представления о прекрасном и постыдном...

– Но как *ты* можешь знать об этой другой жизни?

Шахразада пожала плечами.

– Но я и не знаю о ней... Я просто вижу это так, будто и сама *уже там*...

Шахразада помедлила, пытаясь найти самое точное слово.

– Я словно живу другой жизнью. Иду по другим улицам, еду в неизвестном экипаже, беседую с незнакомцами-чужестранцами, прекрасно понимая их и видя, что они принимают меня за соотечественницу...

– Должно быть, твой разум странствует по другим мирам, пока ты отдыхаешь... Так, как проделывал это Маруф...

– Должно быть, все-таки не так. Ибо я понимаю, что все это лишь сон. Удивительно яркий, донельзя похожий на явь, но лишь сон. Да, я просыпаюсь, наполненная новыми знаниями, но оттого, что вижу все вокруг глазами человека, для которого это обыденная жизнь...

Шахразада говорила и говорила, но Герсими отчего-то заподозрила, что та пытается за потоком слов что-то скрыть. Нечто удивительно для нее важное.

«Надо будет посоветоваться с матушкой... Что-то не нравится мне блеск глаз моей любимой сестренки. Должно быть, не только иноземцы-чужестранцы видятся ей... Быть может, там увидела она и того единственного, кто...»

Но тут Герсими остановила сама себя. О каком «другом» может идти речь, когда Шахразада до сих пор влюблена в собственного мужа? И эта пылкая влюбленность видна более чем отчетливо в каждом слове о Шахрияре, в каждом упоминании о нем?

«Ты права, дочь... – услышала Герсими голос Фрейи. – И не права одновременно. Шахразада влюблена в своего мужа сейчас так же, как и пять лет назад. В этом твоя правота...»

«Матушка! – Герсими, взрослая женщина и сама уже мать, обожала свою матушку, как пятилетняя малышка. – Как хорошо, что ты со мной сейчас!»

«Я с тобой всегда, глупышка!»

«Но в чем же я не права?»

«Скорее, доченька, ты не готова еще принять того, что тебе уже открылось... Придется тебе еще немного подождать, и ты убедишься во всем сама...»

«Матушка...»

«Дочь, у тебя в запасе вечность... А вот терпения – не больше, чем у обычного человека...»

«Но у моих любимых этой вечности нет!»

«Терпение...»

Голос Фрейи растворился в шуме ветерка.

– Терпение... – повторила вслед за матерью Герсими.

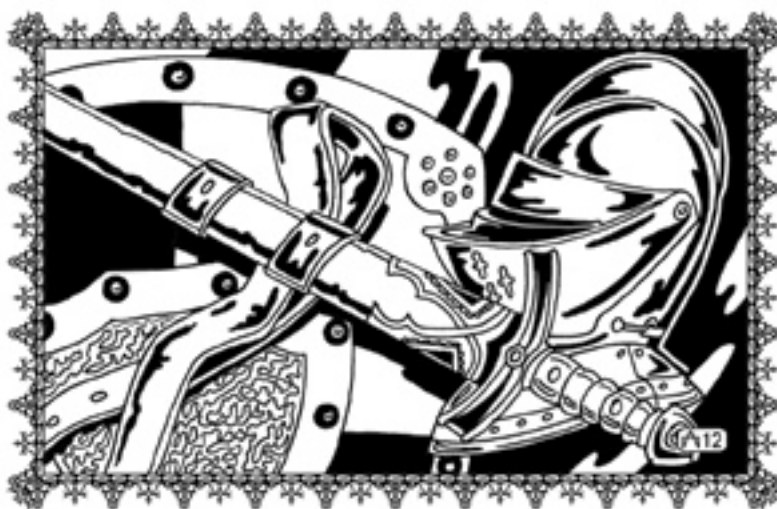
– О чем ты, милая? – вторгся в ее размышления голос Шахразады.

– Я прошу тебя всего лишь потерпеть... – Герсими опустила глаза, смешавшись. – Солнце и так уже клонится к закату... Наступит ночь, и ты узнаешь продолжение своей истории. А потом поведаешь ее мне.

– Конечно, – царица рассеянно улыбнулась. – Никто лучше тебя не разглядит моего нового мира. Никто так не порадует за меня...

Почему-то от этих слов Герсими стало холодно, хотя зной все так же сжигал роскошный царский сад.

Свиток второй

Сейчас она входила в новый для нее мир постепенно. Вернее, погружалась в его ощущение: в его звуки и запахи, мысли и чаяния тех, кого видела вокруг.

Вот молодая, но донельзя уставшая девушка забылась тревожным сном. Она не дома, в гостях, насторожена даже сквозь сон, ибо не ждет ничего хорошего от хозяев. И, возможно, вообще от всего мира.

Вот молодой мужчина. Он, похоже, давно влюблен в нее. Иначе отчего так горели бы его глаза и столь нежная улыбка касалась бы губ?

«Равенна, – поняла Шахразада. – Ее зовут Равенна... Нет, так зовут *меня*. Меня?»

В тот же миг царица ощутила, как ломит тело после долгой скачки, – ибо оказалось, что она не признавала карет и повозок, предпочитая путешествовать верхом. Почувствовала она и настороженность, которая ни на миг не отпускает, заставляя даже спать вполглаза.

«Лаймон... Его зовут Лаймон... И он любит Равенну... Любит *мной*...»

Уже взошло солнце, а он так и не добрался до собственной постели. Глаза резало от усталости, но желание увидеть ее нахлынуло так неожиданно, что он едва не задохнулся. Ему хотелось лечь рядом, прижаться к ней. Никогда стремление к женщине не охватывало его настолько сильно.

Он протянул было руку, чтобы коснуться ее, но тут же отдернул – время еще не пришло.

Она пошевелилась и медленно открыла глаза. В их затуманенной сном голубой глубине отразилось удовлетворение, а губы слегка изогнулись в столь знакомой ему довольной улыбке.

– Ро... – Он провел ладонью по ее волосам.

– Ты! – Она отпрянула в сторону, испуганно распахнув глаза.

– Все хорошо, Ро, – ласково произнес Лаймон.

– Что ты здесь делаешь?

– Ждал, когда ты проснешься. – Лаймон улыбнулся и сел на край постели. – Я послал Сима принести тебе завтрак. Давай съедим его вместе, а, Ро?

Ее глаза стали почти черными от ярости.

– Я скорее стану есть с гадюкой! Убирайся отсюда!

– Но это не твоя комната и не твоя кровать.

Лаймон знал, что если сейчас дотронется до нее, то не устоит перед искушением. Поэтому он ограничился улыбкой. Годы сотворили с ней чудо: в пятнадцать она обещала стать красавицей. Теперь она была в самом расцвете своей красоты, восхитительная, как спелый персик.

«Как странно, неужели этот светлоглазый гигант знает меня столь давно? Похоже, он и посейчас влюблен в меня... Или мне то лишь кажется... И почему я так громко кричу на него?... Как он назвал меня? Ро?»

– Я подумал, что нам лучше поговорить наедине, – спокойно сказал он.

– Я не стану с тобой разговаривать! Как ты сюда попал?

– Через окно. Ты ведь по-прежнему любишь спать с раскрытыми ставнями.

– Мои привычки тебя не касаются!

– Я знаю, что обидел тебя.

Она гордо подняла голову.

– О да, я была так сильно обижена, что вышла замуж через две недели.

Слова ранили, словно меч, разрывающий плоть и кости, как это произошло шесть лет назад, когда он едва избежал смерти.

– Я знаю. – Он машинально провел рукой по выпуклому шраму на боку. – Мне было очень больно, но я простил тебя, потому что понял, отчего ты вышла за Падди.

– Вот как? – Она побледнела.

– Ты хотела отплатить мне за то, что я оставил тебя, не сказав ни слова. Если ты дашь мне возможность все объяснить...

– Теперь это уже неважно, – холодно оборвала она его.

– Возможно, ты права, прошлого не вернуть, но остается настоящее. – Он взглянул на нее. – Что ты делаешь в Камелоте?

– У меня свои дела, а у тебя – свои.

– Что у тебя за дела?

– Мне была обещана аудиенция у графа, – нерешительно произнесла она. – Мой... мой муж недавно умер.

– Я слышал об этом. Ты любила его?

– Я вышла за него замуж, – произнесла Равенна, но в ее взгляде Лаймон не увидел боли потери.

«Так мой муж умер? Аллах всесильный, какое горе!.. Как же я теперь? Как же великая Кордова? Хотя... при чем тут Кордова? Я же... Ро? Ро – это я... Юная вдова и озабоченная делами поместья красавица альбионка?»

Он облегченно вздохнул.

– Мне очень жаль тебя.

– Спасибо. Падди хорошо ко мне относился, и я не собираюсь снова выходить замуж.

– Ты отказываешь всем мужчинам или только мне?

– Тебе в первую очередь. – Она сердито посмотрела на него. – И почему ты только не умер?

«Неужели ей неизвестно, в какую передрагу я попал шесть лет назад?»

– Похоже, слухи доходили и до вашего медвежьего угла...

– Я молилась об этом с того самого дня, как ты бросил меня!

– Если это утешит тебя, то я с трудом выжил.

Страх промелькнул в ее глазах, но она быстро овладела собой. Лаймон улыбнулся, ободренный столь заметным беспокойством.

– Ты всегда отличалась кровожадностью, – поддразнил он. – Наверное, поэтому ты и в Камелоте... Готовишься присоединиться к Ворону, когда он станет покорять кланы?

– Нет, конечно! – Она нахмурилась. – А ты здесь из-за этого?

Он пожал плечами.

– И да и нет. У меня благородная задача – унять беззаконие, заставить кланы сесть за стол переговоров.

– Думаю, у тебя на это не хватит ни сил, ни времени, – заметила она. – А теперь уходи!

– Не уйду, пока не узнаю, почему ты здесь.

– О господи, – устало вздохнула она. – Чтобы присягнуть на верность престолу ради сохранения прав наследования моего сына.

Сын! Случись все по-другому, это был бы его сын.

– Ворон будет тебе весьма признателен, – стараясь подавить боль от услышанного, сказал Лаймон.

Но его заинтересовало, почему шотландская девушка хочет следовать древней традиции. Он чувствовал, что она чего-то боится. Его? Он обязан это выяснить. Тут что-то не так.

– Ты чего-то опасаясь? – спросил он.

Она покачала головой и отвернулась.

– Нет.

– Я не уйду, пока всего не узнаю. Ты боишься деверя? Фэрлиза?

– Присягу придумал он. А я сопровождаю его, чтобы быть уверенной... – Она замолкла, боясь проговориться.

– В чем уверенной?

Равенна вздохнула.

– Фэрлиз злобный и мстительный хитрец. Мы поссорились с ним из-за того, кто будет воспитывать Пэдди.

– Твой сын назван в честь отца? – заставил себя спросить Лаймон.

Равенна кивнула.

– Дэнны меня поддерживают.

– Тогда зачем нужно королевское подтверждение права наследования?

Видно, Лаймон твердо решил докопаться до сути.

– Я... мы считаем, что, поскольку Пэдди еще так мал, какой-нибудь сосед попытается напасть на нас. Но если граф объявит Пэдди наследником, а кузена мужа и меня опекунами, то нас это защитит.

– Это было бы защитой, верно. Но время ты выбрала неподходящее: Гильдернстерн слишком занят армией.

– Эта церемония не займет много времени. Надо всего лишь написать указ...

– Все верно, однако граф не желает думать ни о чем, озабоченный только тем, что ему предстоит совершить по указанию короля Якова. Позволь мне дать тебе защиту до дома, а также людей, чтобы охранять земли от набегов.

– Мне не нужна твоя помощь, да и Дэнны не захотят, чтобы их защищали чужие. Нет. Я сегодня же увижу графа и сама попрошу его.

– Я не могу тебе этого позволить.

– Это не твое дело.

– Равенна! – Он взял ее руки в свои большие, мозолистые ладони. – Почему ты такая упрямая? Вспомни, я спас тебе жизнь вчера, и до сих пор ты под моим покровительством. Неужели не понимаешь, что ты мне небезразлична?

«Он спас мне жизнь? Вчера? Так вот почему я проснулась? От боли, упав с лошади... Но все же – кто я? Равенна, Ро, мать крохи Пэдди Дэнна, или Шахразада, жена Шахрияра, халифа Кордовы, и мать наследного принца и его брата?»

– Так же, как шесть лет назад? – Она отдернула руки.

– То, что тогда я оставил тебя, стало самым ужасным поступком в моей жизни. Но ты не хочешь слушать объяснений. Давай вернемся к этому попозже, когда ты будешь не так

сердита. – Он встал. – Хочешь ты этого или нет, Равенна, но ты моя должница: я спас жизнь тебе и твоим людям. За это обещай не приносить Гильдернстерну клятву верности до тех пор, пока я не скажу.

Девушка свирепо сверкнула глазами, но, подумав, кивнула.

– В таком случае я тебя оставляю. – Он подошел к окну, поклонился ей и... исчез.

– И все же вам следовало остаться в комнате, а я бы принес вам завтрак на подносе, – сказал Сим, старый слуга Лаймона, когда они с Равенной спускались вниз.

Ей тоже этого хотелось, но показать, что она трусит?... Ни за что! Именно поэтому, облачившись в свое лучшее платье из синей шерсти и уложив волосы в высокую прическу, она решила спуститься в зал.

– А что, если там граф? Лаймон взял с меня слово, что я не подпущу вас к его светлости.

– Непонятно, почему Лаймон так этого не хочет. Мое дело совершенно безобидное. Да граф будет рад услышать подтверждение, что Дэнны верны ему.

– Граф недоволен Дэннами после того, как ваш муж отказался присоединиться к его армии.

Равенна от неожиданности остановилась и повернулась к Симу.

– Падди встречался с графом?

«Аллах всесильный! Какие у этих альбионцев странные имена! Их-то и выговорить непросто! Не то что попытаться как-то смягчить...»

– Да. Я думал, вы знали.

– Я знала, что он собирался на аудиенцию, но решила, что сюда он не попал, что его убили по пути в Камелот.

«Пресвятая Дева! Неужели Падди и Лаймон встретились?»

– А ты говорил с Падди?

– Нет, госпожа, но я видел, как он приезжал. Лаймон еще удивился, что он приехал один в такое опасное время.

– И за это он поплатился... Мы все поплатились.

– Лучше бы вам вернуться к себе, – снова с надеждой в голосе произнес Сим.

Равенна отрицательно покачала головой. Ей необходимо узнать, что происходит. Она не может допустить, чтобы Фэрлиз, подлизавшись к графу, стал первым опекуном Пэдди.

Зал был переполнен людьми.

– Сюда, миледи. Мне кажется, я вижу свободное место.

Она пошла за Симом. Внезапно кто-то ухватил ее за рукав платья и потянул.

– Принеси-ка еще эля, – приказал полупьяный женский голос.

– Я? – Равенна в недоумении посмотрела на красивое, наглое лицо особы, удерживающей ее.

– А кто же еще, девица? – Краснолицая дама повернулась к леди Гленде, сидящей рядом. – Ваши слуги не умеют себя вести, хозяйюшка... Да, не умеют!

– Леди Селена! – воскликнула леди Гленда, покраснев от неловкости. – Вы приняли леди Равенну Дэнн за служанку.

Леди Селена выпустила из ладони смятый рукав и пробурчала:

– Откуда мне было знать, что это знатная дама? Она же одевается, как прачка или кухарка.

– Я думала, что вы заметили ее вчера, – она обедала с лордом Лаймоном, – многозначительно сказала леди Гленда.

Изумрудные глаза леди Селены медленно и ядовито оглядели фигуру Равенны.

– Почему вы так бедно одеты, милочка? Сундук с нарядами по дороге потеряли или Дэнны на самом деле бедны, как церковные мыши?

– Хотя мы и не в бархате, – холодно ответила уязвленная Равенна, – но манеры Дэннов получше, чем у тех, кто в него одет.

– Хорошо сказано, – довольно рассмеялась леди Гленда. – Я и забыла, что обещала одолжить вам кое-что из одежды взамен украденной, леди Равенна. Пойдемте, сядем у окна и обсудим все детали, чтобы не надоедать другим.

Кивнув разозленной леди Селене, она встала из-за стола и увела с собой Равенну.

– Благодарю вас, – прошептала Равенна.

– Порой так трудно изображать гостеприимную хозяйку, – сказала леди Гленда и добавила, посмотрев в сторону стола, от которого они только что отошли: – Я ее ненавижу. Я не вынесу, если она отнимет у меня Гильдернстерна. Даже на одну ночь. Ведь у нее есть все, чего я лишена: красота, изящество, умение завлекать мужчин.

Равенна не знала, как утешить леди Гленду. У нее было мало опыта общения с мужчинами.

– Вы подозреваете, что она попытается это сделать? – спросила Равенна.

– Я всех подозреваю, – леди Гленда печально взглянула на Равенну. – Когда я вчера увидела вас, такую молодую и красивую, то сразу подумала, что он может вами увлечься. Но Гильдернстерн никогда не позволит себе даже приблизиться к даме своего друга!

– Я не собираюсь здесь задерживаться. Вот если бы вы оказали мне услугу и помогли поговорить с графом. – И Равенна кратко изложила свою просьбу, не упоминая на всякий случай имени Фэрлиза.

– Я постараюсь, но Ворон погружен в свои дела. Вы не представляете, сколько у него забот... Не так-то просто собрать армию согласно королевской воле. Подумайте только – люди отказывают наместнику короля! А те кланы, которые присоединились к Ворону, совершенно необузданны. Здесь слишком много пьют.

– Но вы хозяйка замка. Разве вы не можете запретить это?

– Нет. Гильдернстерну не нравится, когда кто-нибудь оспаривает его решения. – Она указала пальцем на синяк на подбородке. – Я свободна лишь в ведении домашних дел.

«Да как он смеет!» – в ярости подумала Равенна, но, вспомнив, что леди Гленда любит графа, сдержалась и перевела разговор на другую тему:

– Если бы вы могли указать мне писца его светлости, то я спросила бы у него, как мне написать эту присягу на верность.

– У Гильдернстерна нет писца. Он сам пишет письма, – с явной гордостью сообщила леди Гленда. – Для него главное – ученость, поэтому он так ценит общество Лаймона. Представляете, он говорит не только по-французски, но и по-итальянски, и по-испански!

– В Шотландии мало проку от знания языков, – не удержалась от язвительности Равенна.

– Возможно, но он к тому же хорошо поет и слагает божественно прекрасные стихи.

Перед леди Глендой появился запыхавшийся слуга:

– Все готово для состязаний, миледи. Поле огорожено веревками, скамьи принесены, а повар установил столы для угощений, как вы и распорядились.

– Замечательно! – Леди Гленда улыбнулась Равенне. – Это Лаймон предложил проводить состязания в ловкости, чтобы занять людей до начала походов. Гильдернстерну это очень понравилось. Лэрды раньше так всегда делали, когда созывали членов клана для боевых действий. Его светлость готов?

– Он только что туда отбыл.

– Без меня? – Гленда побледнела и вскочила на ноги. – Я хотела переодеться, но теперь нет времени.

Подхватив юбки, она торопливо удалилась. Ее примеру последовали остальные дамы в зале. Равенна была вынуждена присоединиться к толпе служанок и женщин попроще. Кое-

кто из них, впрочем, смахивал на любительниц одаривать своим вниманием всех, кто готов за это заплатить.

Ристалище огородили веревками – там находились состязающиеся. Зрители толпились вокруг, пили эль и заключали пари. Скамьи для знати поставили в три ряда.

В центре среднего ряда под навесом из темно-синей клетчатой материи – цвет клана Шу – сидели Гленда и другие дамы в ярких платьях. Леди Гленда увидела Равенну и знаком пригласила присоединиться к ней, но та, заметив там леди Селену, отказалась.

– Ах вот ты где, – раздался недовольный голос.

Равенна обернулась и увидела Фэрлиза.

– Как погляжу, ты наслаждаешься жизнью в замке, – произнес он, хмуро оглядев ее прическу и чистое платье.

Сам он, хоть и был одет в свою лучшую шерстяную тунику, выглядел не лучше собственных грумов.

– Где ты устроился?

– Мне повезло, я купил небольшую палатку.

– А остальные?

Фэрлиз пожал плечами.

– Кто где.

«Спят на земле под открытым небом?!» Равенна почувствовала себя виноватой, так как долг главы клана – позаботиться о своих людях.

– Я познакомилась с хозяйкой Камелота, – сказала она. – Когда игры закончатся, я попрошу ее подыскать место для всех нас.

– Мы не нуждаемся в твоих благодеяниях, – огрызнулся Фэрлиз. – Ты виделась с графом? Небось уже успела влезть к нему в постель и выудить у него покровительство и грамоту на опеку?

– Я не виделась с графом, – оборвала Фэрлиза Равенна.

– Это хорошо, потому что я собираюсь...

Он не договорил, так как звуки труб призвали толпу к молчанию. На середину площадки выехал Гильдернстерн. Красно-черный тартан был затянут ремнем поверх белой шерстяной туники. На голове красовалась черная бархатная шапка с тремя ястребиными перьями. На руках сверкали перстни.

– Приветствую всех. Представляю вам вождей Великой миротворческой армии.

Воины вышли на поле. Их было человек сорок, некоторые в блестящих кольчугах, некоторые в подбитых материей доспехах, а кое-кто и вовсе с голыми ногами, покрытые шкурами животных, с длинными копьями в руках.

– Мы проверим нашу готовность к бою. Что вы скажете, вожди кланов? Готовы ли ваши люди показать свою храбрость?

– Да! – выкрикнули вожди. Воздух содрогался от воинственных криков.

– А разве Дэнны не выступили на поле? – сквозь шум спросила Равенна.

– Похоже, твои новые друзья не успели рассказать тебе... Мы в немилости, – сквозь зубы прошипел Фэрлиз. – Братец, похоже, отказался в свое время присоединиться к армии графа, и теперь на нас лежит позорное пятно. Ты знала, что Падди приезжал сюда и что его убили, когда он возвращался из Камелота?

– Нет, – еле слышно сказала Равенна. – А что будет с присягой на верность?

– Я графа не спрашивал. Ты бы видела, как эти Стюарты смотрят на меня! Словно я шпион или убийца.

– Что же мы можем сделать? – спросила она Фэрлиза.

– Я лично буду выжидать и найду возможность доказать, что я не такой трус, как Падди.

– Трус? Он никогда им не был!

– Он был слабовольный старый дурень, у которого не хватило ума сообразить, что единственная возможность для Дэннов добиться достойного положения – это присоединиться к Ворону.

– Ублюдок! Убийца! – раздался чей-то вопль у нее под самым ухом.

Равенна оглянулась и увидела перекошенное от злости лицо мальчишки. Кого он имел в виду? Фэрлиза?

– Я убью его! Эта гнусная светлость заплатит за все! – Мальчик пролез под веревками и, выхватив из-за пояса кинжал, побежал к графу.

– Остановись! – крикнула Равенна.

– Осторожнее, милорд граф! – закричал Фэрлиз и, перепрыгнув через веревку, стал пробираться сквозь строй воинов за мальчишкой.

Гильдернстерн обернулся и что-то закричал. Вожди кланов, окружавшие его с трех сторон, замерли на месте, глядя на бегущего мальчика, затем обнажили мечи.

Парнишка остановился и занес руку с кинжалом.

– Не-е-ет! – Фэрлиз набросился на него, они упали и принялись кататься по земле.

Равенна, бросившись вслед за ними, увидела, как Фэрлиз выхватил кинжал из руки парня и занес его над своей жертвой.

– Не смей! – Равенна зажала руку Фэрлиза и не дала ему нанести удар.

– Отпусти меня! – заорал Фэрлиз.

– Он еще совсем ребенок! Давайте выясним, чего он хотел.

– Он пытался убить меня. – Гильдернстерн оттолкнул Равенну, схватил парнишку за шиворот и поднял с земли. – Кто тебя послал? Кто заплатил, чтобы ты убил меня?

– Никто. – Мальчуган хмуро глядел на графа из-под насупленных бровей. Да ему не больше десяти-одиннадцати лет, подумала Равенна. – Ты убил моего брата.

– Кого я убил, сопляк?!

– Уилла Росса. Я его брат... Колин.

– Ага. – Губы Гильдернстерна презрительно скривились. – Итак, Россы подослали мне нового предателя.

– Уилл не был предателем!

– Это ложь. Но больше врать тебе не придется, – заявил Гильдернстерн. – Горас, дай-ка мне веревку, мы его повесим.

– Ваша светлость, пощадите! – вмешалась Равенна. – Пожалуйста, не вешайте его. Он ведь совсем еще ребенок и не понимает, что творит...

– Да как вы осмелились подойти ко мне и требовать снисходительности к убийце? – взревел Гильдернстерн. – Кто вы, черт возьми?

– Р-Равенна Дэнн.

– Дэнн! – Это слово было подобно маслу, подлитому в огонь. Бешено сверкая глазами, Гильдернстерн произнес: – Еще одна предательница. Что вам надо?

– Я... мы... – она указала на Фэрлиза, стоящего рядом, – мы приехали, чтобы присягнуть вам на верность от имени моего сына.

Ярость Гильдернстерна поутихла, когда он взглянул на Фэрлиза.

– Вы спасли мне жизнь, и за это я вам благодарен. А кем вам приходится эта надоедливая женщина?

– Никем, – быстро ответил Фэрлиз.

Равенна чуть не задохнулась.

– Я мать наследника Падди Дэнна.

– Не упоминайте при мне имя этого предателя, – рявкнул Гильдернстерн. – Горас! Мальчишку повесить, а женщину брось в темницу. Я потом решу, как с ней поступить.

– Ваша светлость! – раздался вдруг глубокий голос.

Равенна с облегчением увидела Лаймона.

– Вот и ты, – пробурчал граф. – Выбрал время, чтобы поохотиться. Меня тут чуть не убили. – Он указал на мальчика.

Лаймон приблизился к Равенне.

– А что сделала Равенна?

– Тебе не все равно?

– Я говорил уже, что знаком с ней. И к тому же мы помолвлены.

– Помолвлены? – оглушающе громко переспросил граф. – Я ничего об этом не знаю. Когда это случилось?

– Сегодня утром. – Лаймон, не отрываясь, смотрел на Равенну. В его насмешливом взгляде она легко прочла вызов.

Шахразада не могла отвести взгляда от горящих глаз гиганта Лаймона. О, такого мужчину любить не грех! О таком красавце не грех мечтать... О нем не...

Безжалостное солнце нашло лазейку в плотных занавесях и теперь изо всех сил играло с ресницами Шахразады, пытаясь разбудить ее.

– Аллах всеильный... Ну что еще случилось? – Девушка рывком села, пытаясь понять, почему на ней вместо синего шерстяного платья тончайший муслин сорочки и куда подевался прекрасный рыцарь, только что пообещавший взять ее в жены.

Свиток третий

«В жены? В какие жены? Меня взять в жены... Меня или Равенну? Что со мной?»

Шахразада приложила пальцы к щекам. Так она делала всегда, когда хотела сосредоточиться и отгородиться от всего вокруг. Воспоминания, невероятно яркие, вновь вспыхнули перед ее глазами: мальчишка, бросающийся на лэрда, отвратительный Фэрлиз с подлой и наглой улыбкой, гигант Лаймон... Храпящие лошади, песок ристалища, березы, колеблемые резким весенним ветром...

Шахразада провела по щеке рукой и с удивлением ощутила, что не бархатно-ухоженной кожи касается, а кожи обветренной, водящей дружбу с обжигающе холодной ключевой водой и резкими ветрами, которые так любят хозяйничать на нагорьях далекого Альбиона.

– Аллах всесильный и всевидящий... – прошептала царица и поглядела на собственную ладонь.

Да, такие руки не могли принадлежать жене халифа: огрубевшая кожа, мозоль от ножа, выемка там, где стрела касается указательного и среднего пальцев перед выстрелом... Это были руки охотницы.

– Но кто же я? – Шахразада шагнула к зеркалу.

Высокое, почти в ее рост, оно отразило чернокудрую заспанную царицу.

– Так, значит, это все-таки сон? Мне все это только привиделось.

Молчание было ответом. Лишь руки беззвучно, на свой лад, уговаривали Шахразаду, что не таким простым был ее сон.

– Ох, сестричка... Должно быть, непросто будет сей сон растолковать. Даже если это всего лишь сон.

– С кем ты беседуешь в этот ранний час, моя греза?

Заслоняя дверной проем, в опочивальню шагнул халиф Шахрияр. В первый миг Шахразаде почудилось, что у него очень светлые, почти белые волосы и серые глаза... Однако силы или, быть может, выдержки девушке хватило, чтобы не произнести имя гиганта Лаймона вслух. Ибо герой ее сна и муж оказались невероятно, чудовищно похожи – их и отличал-то лишь цвет глаз и волос. И, конечно, царственная осанка, присущая Шахрияру и, увы, мало свойственная Лаймону, вынужденному проводить в седле долгие часы...

«Но откуда я знаю о долгих конных переходах? Что мне ведомо об этом человеке, об этой странной, варварской, воюющей стране? Да и есть ли она, эта страна? Не приснилось ли мне все это – от болтушки леди Гленды до того самого, головокружительного властного поцелуя?...»

– Я видела странный сон, о мой муж и повелитель... Очень странный... И вот теперь пытаюсь узнать у зеркала, кто я и что со мной.

Шахрияр расхохотался.

– Ты – моя жена, детка... Царица Шахразада. Мы с тобой правим прекрасной Кордовой.

– О да. Так, значит, ты царь этих земель?

Шахразада старалась сдержаться, но искры смеха уже плясали в ее проснувшихся глазах.

– Главное, моя птичка, что я твой муж. Я тот, кто обожает самую мудрую и самую непредсказуемую из женщин мира.

Шахрияр обнял жену и запечатлел нежный (как ему показалось) поцелуй где-то в волосах Шахразады. Ей отчего-то стало печально, что мужу не захотелось коснуться ее губ. И вновь пришло воспоминание о другом, жгучем и властном, обволакивающе-головокружительном поцелуе Лаймона.

«Да ему просто лень! – с досадой подумала Шахразада. – Лень... Он привык... И больше не мечтает обо мне так, как это было еще совсем недавно!...»

– Милый, – попробовала она позвать мужа.

Но тот уже выходил из покоев. А для того, чтобы показать, что все же слышал голос жены, он обернулся и помахал рукой, дескать, «и ты моя милая». Шахразада закусил губу. Она пыталась вспомнить, когда ей вот так удавалось все же продлить разговор или полное радости совместное молчание. Попыталась и не смогла... Похоже, было это уже достаточно давно. Если и было вообще.

«Но когда? Когда он, мой прекрасный, перестал быть заботливым и чутким? Когда превратился в уверенного в каждом своем шаге властелина?» Когда ее, жену, отвоевавшую его душу у страшного проклятия, спасительницу, стал считать не средоточием мира, а лишь приятным дополнением к ежедневным заботам?

Увы, на эти вопросы у Шахразады не было ответов. Да и вопросы эти еще вчера она и не думала себе задавать, ибо была убеждена, что все в ее жизни просто удивительно прекрасно. Что муж ее боготворит, что дышать без нее не может... Не говоря уже о том, что и во сне и наяву лишь ее замечает среди всего разнообразия мира. О себе она могла сказать это и сейчас.

Хотя... Ведь отчего-то ей был памятен поцелуй беловолосого гиганта, отчего-то *та* жизнь она сочла подлинной... Почему-то не свой мир, а тот, буйный, дышащий войной, готова была считать реальным...

Близился полдень. В беспокойстве мерил шагами Шахразада дорожки сада. Сон помнился так же отчетливо, как и события ее, царицы, вчерашнего дня – от рассеянного поцелуя мужа на рассвете до вечерней игры с сыновьями в мудрую предсказательницу и странствующих рыцарей.

«Так, быть может, это игра мне навяла столь странный сон? Хотя и до вчерашнего вечера мы не раз играли, но снов, столь ярких и полных жизни, я дотоле не видела. Или не запоминала...»

Перепуганное лицо мальчишки вновь встало перед глазами Шахразады. А следом опять пришел вкус страстных губ, их неумолимая сила...

– Аллах великий, еще одна такая ночь, и я стану считать Кордову миром сновидений, а Лаймона назову самым реальным из всех мужчин...

«И самым желанным...» Даже наедине с самой собой она не могла произнести этого вслух. Но душа уже была готова к таким словам...

И еще в одном не решалась признаться Шахразада, признаться даже самой себе. Ей нестерпимо хотелось туда. Туда, где бушуют страсти, туда, где мужчины ради женщины готовы отдать жизнь, туда, где клокочет в котле схваток сама жизнь... Или, быть может, ей хотелось не сбежать *туда*, а ринуться прочь *отсюда*, где все уже давным-давно приелось, где каждый последующий день похож на день прошедший, где одни и те же слова произносятся с одной и той же интонацией, и не в угоду зависти или лести, а просто потому, что может быть только так и никак иначе...

Странное настроение Шахразады наполняло, казалось, весь сад. Нечто, изменившее сами волны мирового эфира, почувствовала и Герсими. Быть может, скорое появление малыша обострило все ее ощущения... Хотя и раньше ей не нужно было сосредоточиваться, чтобы узнать, что происходит вокруг.

Должно быть, потому Герсими почти не удивилась мгновенно пролетевшему дню – ведь еще вчера она ощутила нетерпение, сжигавшее невестку.

– Аллах всесильный, – пробормотала Герсими, когда солнце неожиданно быстро ушло за горизонт. – Ей все-таки это удалось. Она заставила даже солнце быстрее катиться по его вечной тропе!

– Какое счастье, – протянула Шахразада, опускаясь на шелка ложа, – что этот поистине бесконечный день уже прошел!.. Наконец я увижу его...

Сон, словно голодный тигр, буквально поглотил Шахразаду. Но перед ее глазами раскрылись не лесистые холмы горцев и лэрдов, а... иной дворец, стоящий, должно быть, на самом краю мира. Ибо из окон верхних покоев открывался изумительно прекрасный вид на бесконечные воды. Сколько хватало глаз, везде лишь волны играли в белом свете полуденного светила.

Она вновь была женой властелина и повелителя. Однако не женой халифа, а супругой всесильного императора, прекрасной Отами звали ее... Здесь, Шахразада знала это, у нее растет дочь – чуть слишком избалованная, иногда излишне строптивая, но при этом послушная и чуткая Битори. Та самая, что всего миг назад со слезами покинула родительские покои.

Императрица тяжело вздохнула:

– Что мы наделали, любимый! Этой девочке никогда не найти того, единственного!..

– Почему ты так думаешь, прекраснейшая?

– Потому что она вбила себе в голову, что надо обойти полмира. А ведь иногда любовь ждет тебя за поворотом коридора... У очага в дворцовой кухне...

Невольно голос Отами потеплел.

– Да, не знаю, как бы я жил дальше, если б в тот зимний вечер не спустился за саке...

– Или если бы послал кого-то из слуг... Например, моего мужа, Тонзо...

– Забудь о прошлом, родная. С той самой минуты, как я тебя увидел там, у очага, ты стала для меня единственной. Я помню как сейчас – ты снимала котел с кипящей водой... И негромко напевала ту самую танка, о которой говорила наша дочь...

Духом светел и чист,
не подвластен ни грязи, ни илу,
лотос в темном пруду -
и не диво, что жемчугами
засверкала роса на листьях!..¹

¹ Ёсиминэ Мунэсада (816–890). Перевод А. Долина.

– Нет, любимый, – возразила императрица. – Это были весенние стихи... Я тоже помню тот безжалостный день. На кухне плиты пола обжигали холодом ступни – ведь гэта служанкам низшего ранга твой отец носить не позволял... И помню, что я грелась мыслями о весне и стихами о ней. Вот этими:

Капли светлой росы
словно жемчуг на нежно-зеленых
тонких ниточках бус -
вешним утром долу склонились
молодые побеги ивы...

Император тоже хотел возразить, но потом подумал, что это неважно. Куда важнее стереть с лица любимой жены озабоченность. И он поднялся с подушек, подошел к Отами и нежно поцеловал ее.

Для императора Тиродори жена всегда была светочем и радостью. Вот и сейчас он почувствовал, как нарастает в нем счастливое возбуждение. Он желал ее точно так же, как возжелал тогда, увидев босоногую красавицу с огромным котлом в руке. И точно так же, как тогда, ему было все равно, кто перед ним – служанка или императрица. Он знал лишь, что она – единственная, властительница его грез и любовь всей жизни.

Отами ответила на его поцелуй с неменьшим жаром. Любовь, которой не один день, а с десятков лет, подобна выдержанному вину. И вкус ее нежнее, и букет тоньше. Да, сейчас и император, и его жена прекрасно знали, что последует дальше. Но радовались мгновениям страсти, наверное, даже больше, чем в тот день, когда впервые смогли остаться вдвоем.

Императрица легко поднялась навстречу мужу. Воспоминания увлекли ее в те дни, когда она была лишь кухонной служанкой, а Тиродори – сыном владыки, великим принцем... Ей вспомнился тот чудовищный котел с кипящей водой, вспомнилось и обожание, что вспыхнуло в глазах наследника.

Тот огонь вспыхивает в глазах императора и сейчас, когда великие боги даруют императорской чете уединение.

Отами взяла мужа за руку.

– Пойдем, милый. Все уже готово!

– Что ты приготовила, волшебница?

– Ты же сам вспомнил тот холодный зимний день и кипящую воду... Нас ждет фуру².

Император улыбнулся.

– Фуру вместе с тобой... Это наслаждение.

Уют садового домика встретил Отами нежным ароматом жасмина – крохотный кустик, некогда посаженный в чудовищной каменной вазе, разросся, и теперь вся стена была украшена нежно-зелеными листьями. Словно насмехаясь над природой, жасмин цвел два раза в году. Отами объясняла это чудо только тем, что в триаде Огня всегда были волшебники, прекрасно понимающие и растения, и животных.

Тонкая перегородка отделила весь мир – наконец они остались вдвоем. Не император с императрицей, а просто два нежно любящих друг друга человека.

В комнате для омовений словно стоял туман – пар от горячей воды стлался над полом.

² Фуру (или офуру) – баня. Чаше бочка, наполненная очень горячей водой.

Отами сбросила одеяние, оставшись в тончайшей рубашке, которая лишь подчеркивала изящество ее фигуры. Император не стал медлить. В дальнем углу остались церемониальные одеяния, а рядом с огромной деревянной чашей слились в объятиях два тела.

Поцелуи Тиродори становились все настойчивее. Он старался оттянуть миг, когда придется разомкнуть объятия. Но Отами шепнула:

– Идем, любимый...

Прошел уже не один год, но сознание того, что она по-прежнему желанна, наполняло ее волшебной силой.

Она стянула через голову рубашку и шагнула в блаженный омут горячей воды.

– Иди сюда, мой император. Места хватит и для двоих...

Тиродори шагнул в горячую воду. На миг замер, давая Отами возможность полюбоваться своим телом – по-юношески стройным, но переполненным мощной, зрелой силой. Чаша для омовений была очень велика – в ней вполне можно было и сидеть, и лежать. Тиродори вытянул ноги так, что бедра жены оказались зажаты между ними. Она чуть свела ноги, и ее колени показались над поверхностью воды.

Обжигающе горячая вода, казалось, проникла в ее кровь – Отами была словно объята огнем. Ее тело жаждало отдаться на милость победителя. Ей хотелось ощутить горячий жезл любви в своих ладонях, а потом, быть может, вкус страсти на губах... Она мечтала насладиться тем, что этот мужчина, самый прекрасный и мудрый из всех мужчин подлунного мира – ее муж.

Сладкая дрожь волной пробежала по ее телу. Отами наслаждалась каждым мигом, радовалась нахлынувшему на нее возбуждению. Мягко она коснулась себя между ног, но Тиродори перехватил ее руку и положил себе на грудь.

– О нет, моя милая. Честь ласкать тебя принадлежит мне!

– А что же буду делать я? – лукаво спросила императрица.

– Ласкать меня. Вода горяча, но жар твоего тела поистине обжигающ. Я хочу насладиться тобой.

Эти слова вновь, как и всегда, заставили ее трепетать. Иногда она с трудом верила в то, что этот прекрасный мужчина, властелин империи, ее муж. Иногда она чувствовала себя рядом с ним маленькой и робкой. Но только не тогда, когда открывала ему свое тело. Не тогда, когда ласкала его. Сейчас она была сильной и бесстрашной, как тигрица.

Горячие ладони мужа скользили по телу Отами, не обделяя вниманием ни единой впадинки. Вода, словно нежнейшие шелковые простыни, ласкала тела.

Постепенно ласки становились все жарче, тела все сильнее открывались друг другу. Отами видела, как возбужден муж. Именно это возбуждение рождало жар в ее крови, передавалось чреслам, заставляя придумывать все более изощренные ласки, заводя все сильнее и сильнее.

Отами привстала, чуть сдвинулась вперед и вновь опустила в воду. Но теперь она оседлала мужа, чувствовала его в себе. И наслаждалась тем, как близки они в это мгновение.

Тиродори застонал, прижал ее к себе и зарылся лицом в ее грудь. Он целовал ее неистово, наслаждаясь нежностью кожи и тем возбуждением, что охватило сейчас их обоих. Движения его становились все увереннее. Им в такт приподнималось из воды тело его жены.

И наконец сладкий стон вырвался из ее сомкнутых уст. Словно в ответ на наслаждение жены, взорвался страстью и сам Тиродори.

Постепенно восторги утихли. Время забытия прошло. Император и императрица вновь становились самими собой – любящими друг друга родителями, сейчас более всего обеспокоенными тем, как сильно изменилась за последнее время их дочь. И тем, сколь странную загадку она задала накануне более чем ответственного для страны и семьи события.

– Но что же мы все-таки будем делать с нашей дочерью? Неужели позволим ей и дальше мечтать о единственном мужчине, которого, быть может, ей не суждено встретить?

Императрица завернулась с теплое полотно и обернулась к мужу. Солнце облило лучами тело Тиродори, и Отами вновь залюбовалась им – изумительный профиль, сильные руки, мудрые глаза, совершенная фигура. Да, много лет прошло, но это по-прежнему был мужчина ее жизни.

– Боюсь, о повелитель, что наша дочь от нас обоих унаследовала это желание. Ведь и ты мечтал о единственной... И я грезил о мужчине, лучше которого в жизни не найду.

– Неужели среди принцев и сановников не найдется этот самый, единственный?

Отами села поудобнее и улыбнулась мужу.

– Ты так и не понял... Ей нужен не какой-то определенный мужчина... Ей нужно деяние... Она мечтает что-то сделать ради его обретения... Понимаешь? Как-то заслужить его чувство – и отдать все силы, чтобы на это чувство ответить... Она же с горящими глазами говорила именно о странствиях!..

– Но это ведь еще хуже! Не можем же мы своей монаршей волей отправить в путешествие какого-нибудь принца, чтобы она в погоне за ним искала свою большую любовь... И не можем повелеть уехать дочери только для того, чтобы за ней потянулась вереница женихов? Это против всех обычаев!

– Любимый, а разве наш брак был не против обычаев? Вспомни, сколько раз твой отец отсылал тебя в дальние страны и за моря, только чтобы ты забыл меня!

– Вот поэтому я и хочу, чтобы наша дочь, прекрасная Битори, была от этого избавлена. А потому, любимая, я решил так. Совсем скоро наступит праздник цветения сакуры. На него, по давно установившейся традиции, съедутся владельцы провинций, сановники, цари княжеств и магараджи. Приедут они с сыновьями. Вот на этом празднике и должна будет выбрать себе мужа наша красавица...

– Я повинуюсь тебе, мой император...

«И да будет так...» – Шахразада попыталась кивнуть и выйти из покоев, но поняла, что не может сдвинуться с места. Что она лежит на огромном ложе и пробудилась от сладостнейшего из сновидений. Что наступил новый день, день ее собственной страны. Страны, где правит ее муж, где она любима им, где народ почитает ее за душевную чистоту и самоотверженную мудрость.

Где ее мужа зовут Шахрияром Третьим. Который, увы, не разделил с ней сегодня ложа...

Свиток четвертый

– Милая моя девочка...

– Да, Герсими, да... Я оглянулась. Какими-то новыми глазами увидела все вокруг и вдруг почувствовала такую удивительную боль... Такое... оглушительное одиночество. Словно я осталась совсем одна во всем мире. Будто те, кто хоть как-то любил меня, вдруг все исчезли. И некому удержать меня на привычном месте. Что я свободна... Свободна от всего и вольна бежать куда угодно... Лишь потому, что обо мне некому вспоминать. Словно я никогда и не рождалась на свет.

– Шахразада, но это же был только сон... Царица отрицательно покачала головой.

– Сестренка, это был не просто сон. Мне на миг показался другой мир, где какая-то другая я желанна и любима. Где она (нет, я) борется за дитя и свой мир, где от нее, понимаешь, *от нее* что-то зависит. Где от ее бездеятельности гибнут люди... Ну, или могут погибнуть.

– Но ведь так уже было в твоей жизни. От твоей бездеятельности могла погибнуть ты сама, могли погибнуть другие девушки. Мог и сам Шахрияр навсегда запутаться в тенетах проклятия, окончательно превратившись в чудовище... Этого тебе недостаточно? Пусть теперь другие совершают подвиги, пусть вершат что-то во имя своего будущего. А твое, я думала, уже определено. Ты здесь, с нами...

– С вами, – Шахразада недобро прищурилась. – С кем же это?

– С тобой малыши Рахим и Рахман. Твоя крошка Бесиме и часа не может прожить без мамы... Ты бесконечно нужна мне, твоей ученице... Шахземан готов советоваться с тобой каждый день... твой муж халиф...

– Ох, вот только не вспоминай о моем муже сейчас, прошу!

Герсими испуганно взглянула в лицо невестки. Чтобы повздорили или поссорились (упаси Аллах всесильный и всевидящий!) Шахразада и Шахрияр!.. Такое и представить себе невозможно. И вдруг царица просит не упоминать имени мужа...

– Прости, сестричка... Я не должна была кричать на тебя.

– Все в порядке, милая! Просто ты расстроена, я понимаю. Скверный закатный ветер, должно быть.

– Увы, моя хорошая, не в ветрах здесь дело... Боюсь, что я перестала быть любимой, став привычной... Я перестала быть единственной, необыкновенной, став такой же, как все.

– Ну что за глупости! Я не буду спрашивать, появился ли у тебя хоть крошечный повод усомниться в чувствах Шахрияра. Я спрошу иначе – а ты, моя милая? Не изменились ли твои чувства к нему?

Шахразада поджала ноги, поудобнее устраиваясь в тени огромного карагача. Герсими показалось, что она не слышала последнего вопроса. Но в тот миг, когда она уже была готова повторить его, ее невестка сухо и коротко усмехнулась.

– Мои чувства, малышка? Скажи мне, разве стала бы я так печалиться о том, что муж охладил ко мне, если бы не мечтала лишь о нем, не считала бы его единственным и самым лучшим?

– Но те, другие, возлюбленные из твоих снов?...

– «Возлюбленные»...

– Ну хорошо, пусть. Мужчины, которые тебя любят... Разве не к ним теперь тянется твоя душа?

– Ох, Герсими, ты все перепутала... Ты все перепутала... Дело-то не в том, *кого* вижу я. А в том, что они ради *меня* готовы на все... На что же, скажи мне, мудрая моя сестренка, сейчас ради меня готов мой муж?

И Герсими потупила взор. Врать она не умела. А сказать, на что сейчас готов ради жены Шахрияр, не могла. Хотя и пыталась припомнить хоть один, самый крошечный подвиг, совершенный халифом во имя Шахразады. Пыталась и не могла. Это *она*, дочь визиря, сражалась со злом, *она* готова была взойти на плаху... Она изобретала и вспоминала удивительные сказки, которые не в переносном, а в самом прямом смысле слова преобразили душу принца. И преображение это было поистине более чем полным – ибо Зло потеряло власть над принцем...

Но что сделал сей принц ради своей спасительницы?... Нет, Герсими не знала ответа на этот вопрос. И уж тем более не знала, на что он готов ради жены сейчас, спустя пять сладких и спокойных лет.

– Знаешь, моя хорошая, – продолжала Шахразада, – мне отчего-то кажется, что мои странствия по мирам закончатся только тогда, когда я увижу, что *никто* из самых пылких влюбленных не может толком ничего сделать ради своей прекрасной дамы... словно некая невидимая сила отправила меня в этот бесконечный поход, дабы я убедилась, что все они, глупцы и мудрецы, старики и юноши, гиганты и карлики, скроены по одной мерке... Что сильны лишь на словах. Что дело всегда начинается и заканчивает женщина...

Герсими поразились горячности Шахразады. Не может быть, чтобы душа ее «наставницы» была столь глубоко поражена болью и неверием!

– Сестричка...

– Герсими, ну вот ты, умница, дочь богини, валькирия-вдохновительница... Ты мне скажи, на что способны мужчины на самом-то деле? Не на словах, *на деле*?

– Сестренка, ты же сама когда-то вспоминала о Синдбаде, который прошел от полудня до полуночи ради собственной жены...

– Деточка, ты скверно выучила урок... Не ради жены, а ради халифа Гарун аль-Рашида. И не столько ради самого халифа, сколько *ради*, о нет, *из-за* его странного отшельничества. А умница Лейла, подобно всем другим женщинам, ждала мужа из странствий, растила его детей, содержала дом, управляла хозяйством. Не ради мужа, а только потому, что кроме нее никто не мог этим заниматься. Некому было это делать!...

– Да, наверное, я вспомнила неправильного рыцаря...

– Похоже, что так... Но попытайся вспомнить правильного. Хоть одного! Прошу тебя. Нет, умоляю! Хоть одного, кто ради любимой готов был на все – годы лишений, жизнь в

бедности, даже на смерть. Обычно-то жена говорит мужу, что она готова ждать и терпеть ради него. Тот шатается по свету во имя чьей-то лени или побеждая чьи-то страхи, а она ждет... ждет, когда ей достанется кроха его внимания!

– Но вот история другого Синдбада... кузнеца... и его любимой жены, джиннии Амали... Разве не он отправился на поиски спасительного зелья? Разве не он его нашел?

– Нашел... даже отдал родителям, дабы те напоили дочь предсказанным снадобьем. Но *остался* ли он с некогда любимой женой? Нет, об этом молчит легенда. Более того, она говорит обратное: до счастливого избавления было более чем далеко, а этот силач и смельчак уже прикидывал, куда он сбежит после того, как Амаль придет в себя...

Герсими сокрушенно кивнула – это была чистая правда. Поэтому она не стала напоминать Шахразаде об истории с соперницей Аладдина. Ибо так все выглядело не просто нескладно, а даже удручающе отвратительно: мужчина, нет, маг, влюбленный в смелую Сафият, переселился в тело кота, дабы заставить девушку делать то, что считал правильным. Не сам отправился в пещеру ужаса, а вынудил ее совершить это путешествие. Причем совершить дважды! Хотя уж в его-то власти было вполне достаточно своего оружия!

Увы, неприглядная правда сейчас была видна Герсими более чем отчетливо. И правота Шахразады тоже. Но все же Герсими не могла смириться с мыслью, что странствие по мирам-снам навсегда поглотит ее любимую сестренку и наставницу.

– Шахразада, а ты уверена... Ты уверена, что странствие закончится тогда, когда ты в этом убедишься?

– Нет, – та в ответ улыбнулась. – Наверное, потом мне дано будет выбрать мир, где я буду нужна кому-то или где все только начинается...

– Но эта же цепь странствий бесконечна!

– Значит, я буду жить вечно... И вечно убеждаться в немогущности тех, кого мы считаем полем сильным и решительным.

– Сестренка, но, может быть, самый главный подвиг – это обычная простая жизнь годами, десятилетиями вместе? Не распятый на огромном дубе дракон, голова которого украшает главный зал (то еще украшение, думаю), не принесенный к ногам красавицы мешок алмазов размером с голову, а просто жизнь вместе, рядом. Воспитание детей, ежедневная забота о хлебе насущном. Общие печали и общие радости. Спокойная старость рука об руку?

– Нет, моя хорошая. Это не подвиг – так и *должно* быть на самом деле. Никакого героизма нет в том, что мужчина берет на себя часть забот о семье.

– Я не о том. Я о том, что он не бряцает оружием, а молча делает свое дело. Спокойно и достойно.

– И вновь я тебе скажу нет, сестренка. Это идеальная картина. Хотя в легком бряцании я не вижу ничего дурного. Но мы-то сейчас говорим не о мужчинах вообще, верно?

– Да, сестра, ты пытаешься доказать, что твой муж, Шахрияр Третий, разлюбил тебя...

– Похоже, что именно так... Что не столько разлюбил, сколько привык ко мне так же, как к подсказкам твоего мудрого мужа в диване. А мне меньше всего хочется, чтобы это произошло.

Женщины замолчали. Тягостная тишина обволакивала, затягивала, как омут. Томительно текли минуты, нарушаемые лишь шелестом листвы над головами печально умолкшей Герсими и погружившейся в невеселые думы Шахразады.

Садилось солнце. Царица не успела и заметить, что совсем близок тот миг, когда она отправится в новое странствие на поиски настоящего рыцаря.

СВИТОК ПЯТЫЙ

Голова у Шахразады, о нет, у Равенны, это она почувствовала сразу, едва не пошла кругом, и она была почти готова опровергнуть слова Лаймона, несмотря на грозящую ей опасность.

– Конечно, все будет так, как вы того пожелаете, ваша светлость, – небрежно заметил Лаймон, – но зачем вешать парня, пока мы не узнаем, есть ли у него сообщники.

Граф хмуро посмотрел на него.

– Пожалуй, ты прав. – Щелкнув пальцами, он приказал своим людям: – Заприте мальчишку в темнице и допросите его.

Равенна (и Равенна... и Шахразада) хотела было возразить, но Лаймон схватил ее за запястье и развернул лицом к себе.

– Прости, любимая. Я как следует с тобой не поздоровался. – Прижав ее к себе, он прошептал ей на ухо: – Если тебе дорога жизнь, молчи.

– Но...

– Один ложный шаг, и ты погубишь всех нас.

Лаймон огляделся и сделал знак оруженосцу, указывая на людей Ворона, которые уводили перепуганного Колина. Тот, кивнув, смешался с толпой. Лаймон был уверен, что сообразительный парень проследит, чтобы мальчишке не причинили вреда.

– Благодарю за то, что спасли мне жизнь, сэр Фэрлиз, – громко сказал Гильдернстерн. – Скажите, какую награду вы хотите. Все, что у меня есть, – ваше.

– Я был счастлив услужить вам, ваша светлость, – сказал Фэрлиз, старательно улыбаясь. – Мне не нужно никакой награды, лишь позвольте присоединиться к вашей армии.

Гильдернстерн просиял.

– Откуда вы родом? И сколько людей под вашей командой?

– Я Фэрлиз Дэнн из Хиллбрейя.

Гильдернстерн снова посуровел.

– Хиллбрей... Это вотчина Падди Дэнна?

– Да, но мой брат умер.

– Я слышал об этом. И вы теперь наследник?

Фэрлиз бросил на Равенну самодовольный взгляд.

– Видите ли, наследник моего брата – малыш, находящийся под моей опекой.

Равенна ринулась было вперед, но Лаймон не позволил ей сделать и шага.

– Одно лишнее слово, и твой сын останется сиротой, – прошептал он.

Гильдернстерн хлопнул Фэрлиза по плечу так, что тот пошатнулся.

– Ну что ж, мы рады, что вы в наших рядах. Пойдемте и выпьем за нашего нового союзника.

Лаймон оттеснил Равенну в сторону, и они спрятались за рядами пустых скамеек.

– Отпусти меня! – потребовала Равенна, как только они остались одни, но Лаймон и не подумал этого делать. Тогда она принялась бить его по груди кулаками, обзывая такими словами, каких вовсе не положено знать даме. Он дал ей возможность выплеснуть на него свои чувства. Когда же она перестала браниться, он обнял ее и крепко прижал к себе. Равенна разрыдалась. Наконец, подняв голову, она спросила:

– Почему ты дал им увести Колина? Почему не позволил мне заступиться за сына?

– Да потому что Гильдернстерн не отличается здравомыслием. Он не простит мальчишку и не обратит внимания на твои просьбы. Его основная цель – собрать армию. Фэрлиз не только спас ему жизнь, но и предложил людей. Сейчас перевес на его стороне, и глупо с этим спорить.

– Страшно представить, что станет с Колином в темнице.

Но Лаймона сейчас беспокоили совсем иные материи. Он опустился на траву рядом с Равенной. Следовало обдумать слишком многое, а времени для этого было мало. Удручающе мало.

Повисла тишина. Но всего через миг ее нарушили шаги Бразы, спешившего к хозяину и его прекрасной даме с полными кубками вина.

– Зачем ты объявил, что мы помолвлены? – спросила Равенна.

– Я больше ничего не успел придумать. Не сидеть же тебе с юным Колином в темнице.

– Ты не можешь заставить меня, связать с собой...

– Нет, если ты сама не согласишься.

– Я не соглашусь, – упрямо ответила она. – Никогда.

Интересно, что победит: ее упрямство или его решительность? Лаймон не принадлежал к тем, кто проигрывает без борьбы.

– Я не стану заставлять тебя, Равенна, но ты прекрасно знаешь, что я хочу тебя.

Глаза ее расширились, а лицо побледнело.

– Так вот о чем ты шептался там, на ристалище, со своим оруженосцем! Хочешь похитить меня и силой заставить выйти за тебя замуж?

Лаймон делано опустил глаза.

– Я не совершаю опрометчивых поступков, хотя если мой план рухнет, то я, возможно, так и сделаю. Кажется, мне полагается сделать подарок в честь помолвки.

– Я не хочу от тебя никаких подарков.

– Ни колечка на палец, ни брошки для накидки?

– Ничего. Вот если бы ты смог освободить юного Колина... – Равенна опустила глаза, чтобы Лаймон не разглядел пляшущих там чертят.

Тот попытался сдержать улыбку. Да, она достойный противник.

– Это очень опасно.

– Но ведь можно хотя бы попытаться.

Он ласково улыбнулся.

– Ради тебя я готов на все.

– Да? Но каким образом?

Он покачал головой.

– Тебе лучше не знать. Я не хочу, чтобы ты беспокоилась обо мне.

– Я давно перестала даже думать о тебе, не то что беспокоиться.

– Даже теперь? – спросил он, с удовольствием отметив огонек в ее глазах. Ох, похоже, сейчас она солгала... Она вовсе не так безразлична... И его совсем не забыла. – Я все время беспокоился о тебе, милая, даже когда узнал, что ты выскочила замуж, стоило мне только уехать!

Ее щеки мгновенно вспыхнули гневным румянцем.

– Это ты меня бросил и даже слова не сказал!

– Нет, все совсем не так... Тогда у меня не было иного выхода.

Боль отразилась в ее глазах.

– Но теперь мне все равно, почему ты тогда сбежал... – Она встала, одернула платье и собралась уйти.

Он загородил ей дорогу.

– Нет, милая, тебе вовсе не все равно. Поэтому ты и убегаешь от меня. Равенна, то, что было между нами тогда, не прошло. Ты ведь помнишь все, верно?

– Ничего я не помню. – Она обхватила себя руками, чтобы унять дрожь этих воспоминаний.

У Лаймона бешено колотилось сердце. Нетерпеливым движением он взял ее за плечи и заглянул ей в глаза.

– За шесть лет многое изменилось, верно. Но страсть не забылась... – И он приник к ней в жадном поцелуе.

Она в ужасе застыла, затем попыталась отстраниться, но он не собирался ее отпускать. Она старалась сдержаться, показать, что холодна, но он чувствовал, как она жаждет его. Он целовал ее нежно, мягко, соблазняюще.

Равенна дрожала в его объятиях. Ее губы приоткрылись, и с легким стоном она прильнула к нему. Этого приглашения Лаймону было вполне достаточно, чтобы целовать ее снова и снова.

Равенна плохо соображала, что происходит. Страсть, подавляемая столько лет, заполонила ее. Ох, как же она хотела его! Вот прямо сейчас... Но, вдруг смутившись, она стала вырываться.

– Отпусти меня.

Он удивленно взглянул на нее.

– И зачем только ты снова появился?

– Нам суждено быть вместе. – Он наклонился, чтобы снова ее поцеловать, но она оттолкнула его, и он не стал ее удерживать.

– Я не могу больше верить тебе. И у меня теперь свои обязанности... Ты не должен был вновь появиться в моей жизни...

– Да и у меня куда как много обязанностей, – проговорил Лаймон. – Но они никак не противоречат твоим: тебе необходим человек, который станет тебя защищать. И этим человеком буду я.

– Я не хочу твоей защиты!

– Но ты в ней нуждаешься. Ты забыла, что только произошло?

– Я боюсь не за себя, а за маленького Колина. Неужели Ворон повесит мальчишку?

– Ворон поступит так, как пожелает.

– Ворон. Подходящее имя для этого падальщика. Ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить его?

– Гильдернстерну опасно противоречить, – ответил Лаймон.

– Ты что, боишься? – насмешливо спросила Равенна.

– Да нет, просто знаю его лучше тебя.

– Пожалуйста, сделай что-нибудь.

– Я поговорю с Гильдернстерном, – пообещал он. – А теперь давай обсудим подарок по поводу помолвки.

Ему следовало давно закончить этот разговор, чтобы ненароком не выдать свои планы.

– Я не твоя... – Равенна сердито взглянула на него. – Ну хорошо. Я никому не скажу, что ты соврал про нас, но только спать с тобой не буду, – твердо заявила она.

– Даже если я спасу Колина? – полушутя спросил он.

– Нет. Как ты смеешь!

– Ты сама об этом заговорила. Ты могла бы, по крайней мере, вести себя со мной как с любимым человеком, улыбаться мне иногда, сидеть рядом со мной во время трапез?

– Думаю, что это я смогу.

– А потом я бы сидел у твоих ног и слагал стихи, сравнивая твои глаза со звездами, а губы – с розами.

Она смущенно улыбнулась.

– Какой ты глупый.

– Глупый? Пусть. – Он мягко улыбнулся. – Но если мне не позволено спать с тобой и петь для тебя, то что ты скажешь о прогулке в саду или поездке в горы?

– Наглец...

– Нет, моя девочка. Я хочу всего лишь уберечь тебя... «Должно быть, это слишком страшный мир для любой женщины... Если ее можно защитить, только заточив в брачную клетку...»

Мир Лаймона и Равенны стал гаснуть перед взором Шахразады. Через миг лишь силуэты в тумане напоминали о том, что эти двое ищут свой путь к счастью. Наконец царица погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Любой, кто оказался бы сейчас в опочивальне царицы, усомнился бы и в том, что она дышит. Но кроме лунного света, шелка пышного ложа не тревожил никто.

Свиток шестой

– Клянусь, о мудрейшая, царица еще не вставала!

– Малика, успокойся. В твоих словах никто не сомневается. Мне просто удивительно, что сестра пропустила и время занятий с детьми, и время игр в саду. А такого не бывало ни разу...

– Но... – Тут девушка замялась.

Герсими поняла ее и без слов.

– О да, Малика, да. Она царица, властительница, и имеет право делать все, что пожелает. Однако провести весь день в тиши опочивальни... Нет, это совсем не похоже на мудрую мою подругу... Быть может, мы все же решимся потревожить ее покой?

– Но...

– Да, я знаю. Ты стоишь недреманно на страже покоя великой царицы Шахразады. Однако сейчас, думаю, и тебе уже пора задуматься, быть может, призвать лекаря... Или даже нескольких... Ибо и полдень давно миновал, и, что греха таить, солнце движется к закату... А царица еще не покидала своих покоев...

– Она может делать все, что захочет!

Малика поджала губы, показывая, что разговор закончен. Герсими вздохнула.

– Ну что ж, да будет так.

«Не драться же мне с ней, в конце концов! И потом – она исполняет свой долг, исполняет более чем усердно... Одному лишь царю дано право приказывать ей...»

– Девочка моя, – услышала Герсими мягкий голос матери. – Иногда ты столь полно преображаешься, что вовсе забываешь об умениях, которыми одарили тебя мы с отцом...

– Матушка, – прошептала в ответ та. – Но что мне делать сейчас?

– Делать? Ровным счетом ничего не надо. А вот присесть на скамью у фонтана, съесть персик и попытаться услышать свою «сестренку» тебе вполне по силам. Даже моя внучка тебя сейчас не побеспокоит...

Герсими услышала теплую улыбку в голосе матери.

– Внучка?

– Да, девочка. Через два месяца родится крошка Ванадис. Она унаследует мудрость отца и твои умения без потерь. Мне видится многое в ее судьбе. Но, как у всех малышей,

в тумане – ибо извилист и тернист путь новорожденного к своей доле... У нее будут еще братья и сестры... Хотя сейчас тебе об этом беспокоиться не следует – всему свое время.

Герсими утерла слезы.

– Благодарю тебя, мудрейшая из богинь!

– Не плачь, маленькая. Что бы ни случилось, уж я-то окажусь рядом сразу же. Но сейчас не следует думать о далеком будущем. Тебя снедает беспокойство о наставнице. И не зря. Попробуй войти в ее сновидения. Быть может, тебе удастся докричаться до ее разума... Герсими поежилась. Неспроста матушка дает такие советы...

– Слушаю и повинуюсь, моя прекрасная! – Девушка послушно склонила голову.

– Да, у тебя оказалась отличная учительница... Помогите ей, дочка! – И голос Фрейи пропал в высоких облаках.

– Повинуюсь, – вновь повторила Герсими.

«Что же случилось с тобой, сестренка? Что заставило беспокоиться даже мою матушку, не очень любящую род людской и делающую исключение, быть может, всего для пары десятков человек?»

Скамья была уютной, послеполуденный жар под лапы огромного кедра почти не пробивался, птицы утихли в высокой кроне. Герсими закрыла глаза и погрузилась в мир образов.

Ох, сколь долго ей пришлось учиться отгораживаться от этого прекрасного, обжигающе-яркого звонкого мира! Как непросто проходила эта привычка. Однако же каждое возвращение в подлинный мир было настоящим удовольствием – как возвращение в дом, где ты любим всегда просто потому, что это ты.

Очень быстро нашла Герсими среди сполохов чувств разум Шахразады. Однако не услышала ни удивления, ни радости, ни боли...

Ее «сестра» спала. Спала столь глубоко и ровно, словно сновидения вообще никогда не посещали ее. Герсими пришлось приложить усилие лишь для того, чтобы убедиться, что Шахразада еще дышит.

«Что же с тобой произошло, добрая моя наставница? Какой дэв украл твои чувства, погрузив в черную бездну сна без сновидений, желаний и боли?»

Герсими попыталась увидеть то, что видит перед собой «сестра». Лишь черная пелена встала у нее перед глазами. Попыталась услышать хоть осколок мысли, но ей не удалось и это, ибо сон царицы был куда больше похож на обморок. Но при этом не ощутила Герсими и никакой посторонней силы, удерживающей разум подруги. Ни джинны, ни ифриты, ни дэвы, которым вообще нет места в этом мире, равно как и в других мирах, ни даже эльфы или гоблины... Герсими показалось, что Шахразада по собственной воле опустилась в черный омут без сновидений. По собственной воле и без малейшего желания вынырнуть хоть когда-нибудь.

«Бедная моя сестричка... Что же ты с собой сделала...»

«Герсими? Подружка? Ты?»

«Ой, Шахразада... Ты слышишь меня?»

«Конечно, слышу! Как же мне было не услышать твой крик? Ты орешь не хуже ишака на базарной площади в базарный день!..»

Герсими рассмеялась. Да, это была ее «сестричка» – иногда чуточку ворчливая, иногда сосредоточенная, иногда даже раздражительная. Как все люди.

«Шахразада, ты так глубоко уснула, что мы забеспокоились...»

«Отчего бы это? Разве глубоко спать могу только я?»

«Сестренка, но уже наступает вечер, а ты еще не покидала опочивальни... Прошел час твоих занятий с сыновьями – сегодня с ними занимался Шахземан, когда увидел, что ты не торопишься выходить в классную комнату. Прошел час игры с детьми... Но ты все спишь...»

«Аллах всесильный, не может быть!»

Герсими ощутила, что сестра пытается сбросить с себя покрывало черного сна. Пытается, но безуспешно...

Да, Фрейя беспокоилась не зря – похоже, Шахразада увязла посреди черной бездны, как муха в янтаре.

Герсими напряглась, мысленно протянула ей обе руки, потянула. Вот пальцами она ощутила прикосновение пальцев «наставницы», вот они вцепились в ее руку с силой, какой трудно ждать от женщины... Еще чуть-чуть, еще...

– Аллах всемогущий! Как долго я спала! – Шахразада раскрыла глаза в теплой полутьме опочивальни.

«Наконец, сестренка! Какое счастье!»

«Герсими, ты где?»

«Я в саду...»

«А мне показалось, что я увидела тебя во сне... И даже сейчас болтаю с тобой...»

«Милая, ты, должно быть, забыла, как я сама учила тебя безмолвным беседам на расстоянии...»

«Забыла, сестра», – виновато ответила Шахразада.

«Зато теперь как пригодилось тебе это странное умение... Я жду тебя у фонтанов...»

Герсими откинулась на спинку скамьи. В этот раз ее сил хватило... Но беспокойство не отпускало. Воспоминание о черной бездне, поглотившей Шахразу, было таким пугающим и в то же время таким... притягательным, таким манящим. Словно там, в беспросветной темноте, таилась вся сладость мира: все любящие души, все сладкие надежды, все сбывшиеся мечты.

– Понятно, почему Шахразаде было там хорошо!.. И почему она с таким трудом покидала это коварное место...

Герсими погрузилась в воспоминания, пытаясь вновь пройти дорогой, по которой мысленно бежала в поисках разума своей подруги. Сейчас у нее хватило душевных сил и для того, чтобы запомнить этот путь, – ибо в глубине души она подозревала, что ей еще не раз придется выручать свою сестру из объятий черной бездны.

– Аллах всемогущий... Но что же делать? Как уберечь умницу Шахразу от всего этого?

Увы, Герсими почти наверняка знала ответ на этот вопрос. Подозревала, что знает точно: ее сестре не хватало кипения страстей, не хватало жизни в размеренном спокойствии дворцовых будней. И до тех пор, пока не изменится привычный порядок вещей, не изменить и желания царицы бежать от него как можно дальше.

– Сестричка! – Щеки Герсими коснулась бархатная щека Шахразады. – Ты так глубоко задумалась...

– Почти так же глубоко, как ты уснула, моя добрая наставница.

– Это верно... И ты знаешь, сегодня мне ничего не снилось! Ни графы, или лэрды, ни рыцари, ни их прекрасные дамы... Даже чудовища не тревожили моих снов...

– Это славно, милая. Плохо лишь, что без моей помощи ты рисковала не проснуться еще пару-тройку дней.

– Неужели? Какой ужас...

В глазах Шахразады отразился настоящий испуг. И... еще какое-то странное желание...

«О все боги мира, – мысленно ахнула Герсими. – Да она мечтает вернуться – не в ту черную бездну, откуда нет возврата, а к рекомым рыцарям и дамам, графам или лордам... Она по-прежнему жаждет бегства отсюда, хоть пока сама и не понимает этого...»

– Как справился Шахземан с уроком?

Герсими усмехнулась.

– Как все мужчины... Почти не кричал, почти не сердился... Почти жив...

– Да, сестричка, наши сыновья не дадут себя в обиду! Даже собственным родственникам...

– Шахземан все пытался понять, как тебе удастся управляться этой оравой?

– Оравой? Всего-то трое мальчишек – мои близнецы и твой сынок... С чем же тут управляться?

Теперь Герсими видела перед собой настоящую, привычную Шахразаду – спокойную, чуть снисходительную, улыбающуюся. Но те самые, пугающие искорки нет-нет да и вспыхивали в самой глубине ее глаз.

«Аллах всеильный, надо быть начеку! Боюсь, что моих сил не хватит надолго – и Шахразаде удастся улизнуть в мир грез навсегда...»

Царица и невестка вполголоса беседовали в полу тьме. Приближался вечер, вечер, когда самые черные из снов берут верх над светлыми надеждами и радостными предчувствиями.

Свиток седьмой

– Наконец! – Со вздохом облегчения Шахразада закрыла двери опочивальни.

Она осталась одна и чувствовала удивительную радость от этого. Теперь уже не надо быть кем-то, а достаточно стать самой собой – пылкой мечтательницей, грезящей о неземной любви, о подвигах, которые готов свершить ради нее какой-то прекрасный, пусть пока еще неведомый рыцарь...

Шелка ложа приняли царицу в свои нежные объятия, приняли так, будто ждали лишь этого мгновения, будто были готовы сию же секунду отправить ее в те земли, где ждет ее незамутненное, столь ожидаемое счастье.

Шахразада закрыла глаза и...

И опустилась на скамеечку у крошечного окошка с распахнутыми в лес ставнями. Она, похоже, просидела так не один час, не сводя глаз с тропинки, ведущей к воротам крепости Трокенхольт.

«Онья... Меня зовут Онья... – пришло в голову царице. – Я дочь древнего рода колдунов-друидов, но слишком... мала и потому посвящена лишь в первые степени вечной магии...»

«Духи лугов, духи лесов, вечного камня и хрупких цветов, нежной росы и могучего моря, трижды я вас заклинаю – откликнитесь на мой зов!»

Онья по обыкновению застыла – терпеливо, недвижно, – не прерывая своей безмолвной молитвы.

«Единожды к вам я взываю о даровании покоя, дважды – огнем озарите воспоминания любимого, и трижды – пусть скорее любимый возвратится ко мне».

Девушка сидела так с самого рассвета, почти не двигаясь, не отрывая глаз от тропинки. Час за часом она горячо повторяла беззвучные слова заклинания. Лучи заходящего солнца бросали отблески на ее стройную фигурку, блистая и вспыхивая в облаке белокурых волос, волною падавших ей на плечи. Произнося слова песнопения, она в то же время молилась, чтобы их жар восполнил ту мощь, которой их лишало безмолвие.

Дочь христианина-саксонца и жрицы друидов, Онья, не задумываясь, соединяла христианскую молитву с заклинаниями друидов. Она лишь тревожилась, что ее триадам недостает неземной красоты и свободного ритма молитв ее матери или Ллис, второй жены отца.

Но большего ей было все равно не достигнуть без надлежащего обучения, а учиться ей не разрешали – отец настаивал, чтобы дети воспитывались как христиане, а мать не сомневалась, что смешанная кровь ребятишек – наполовину саксонцев – не позволит им обрести власть над силами друидов.

Тотчас же устыдившись своих непочтительных мыслей, Онья подвинулась, так что скамеечка заскрипела.

Как посмела она обвинять отца, илдормена Трокенхольта, скира христианской Нортумбрии, – прославленный воин Вулфэйн не мог поступить иначе. К тому же он любит ее и желает ей только добра.

Точно так же Онье не в чем было винить свою мать. Леди Брина искренне верила в табу, павшие на детей из-за их смешанной крови. И была во многом права: трое младших братишек Оньи не выказывали ни какого-либо интереса, ни склонностей к подобным делам. Девушка поморщилась и снова шевельнулась. Нет, все-таки она не права – пока еще рано говорить о малыше Сenvульфе. Но если Сenvульф вырастет похожим на десятилетнего Каба и шестилетнего Эдвина, то и он будет точно таким же.

Онья сообразила вдруг, что ее необычное беспокойство привлекло внимание матери и Ллис, и поняла, что мысли ее блуждают неизвестно где. С самого раннего детства, пожалуй, не было ни дня, когда бы она не сидела тихонько, как мышь, внимательно и подолгу прислушиваясь. Все началось лишь тогда, когда она узнала, что спокойствие и сосредоточенное внимание – первые шаги на пути к овладению могущественной властью друидов. Если она хочет, чтобы ее заклинания возымели хоть какое-то действие, ей нужно сосредоточиться только на них.

«Духи лугов, духи лесов, вечного камня и хрупких цветов, нежной росы и могучего моря, трижды я вас заклинаю: откликнитесь на мой зов!» Крепко зажмурив ярко-зеленые глаза, Онья сосредоточилась на своем желании – увидеть Ридвейна.

Даже сознание того, что Ридвейн придет сюда не для того, чтобы встретиться с ней, а лишь откликаясь на отчаянные призывы сестры, не могло уменьшить ликования Оньи. Стараясь не думать ни о том, что происходит вокруг нее в зале, ни о слугах, занятых у громадного очага приготовлением поздней вечерней трапезы, ни о матери и Ллис, она с жаром повторяла свои безмолвные заклинания.

Брина сидела в полумраке под пучками лекарственных трав, за длинным столом, уставленным разнообразными пузырьками, мерными чашечками и глиняными сосудами. Она размеренно постукивала маленьким пестиком, растирая крохотные зернышки в каменной чаше, – жрица так давно занималась этим, что могла не задумываясь составить снотворное снадобье, для которого эти зерна предназначались.

Взгляд ее серых, потемневших от тревоги глаз то и дело останавливался на дочери, чье ожидание было почти осязаемо. Несмотря на чудесное зрелище, которое представляло ее дитя, озаренное лучами предзакатного солнца, Брине чудилось, будто Онья укутана мгlistой безрадостной пеленой. Ей казалось, что девушка склонилась над невидимой пропастью. Брина почти желала, чтобы Ридвейн не откликнулся на призыв. Она боялась, что, если юноша появится в замке, дочь может решиться на безрассудный, опрометчивый шаг.

На протяжении нескольких лет Брина и Вулф, забавляясь, наблюдали, как Онья – сначала ребенок, а потом неуклюжий подросток – боготворила отрока Ридвейна. Безобидное юношеское увлечение. Но теперь Онья выросла, она уже девушка, и ее стойкая привязанность начинала вызывать беспокойство. Мальчик, которому Брина приходилась кем-то вроде приемной матери, стал ошеломляюще красивым мужчиной. Природное обаяние Ридвейна еще усиливалось опытом, приобретенным за последние десять лет: множество женщин и девушек дарили ему свое внимание. К тому же обладая мистической силой, он был опасен – в особенности для Оньи.

Ридвейн стал жрецом-друидом, чье воспитание и предназначение требовали исполнения великого долга, обращенного как в прошлое, так и в будущее. И в этом будущем полукровке Онье места не было.

Из чувств девочки ничего бы не вышло, ничего, кроме боли. А от этого Брине хотелось бы уберечь свою дочь. К сожалению, не существовало никаких заклинаний, способных воздействовать на человеческие чувства.

Пестик растер зернышки чуть ли не в пыль, когда нежные пальцы, ласково сжав руку Брины, остановили ее. Темноволосая головка с отблесками серебряных нитей поднялась навстречу утешающему, спокойному взгляду темно-синих глаз Ллис.

– Доверься Ридвейну. – Ллис говорила так тихо, что только Брина могла расслышать ее слова. Мать двоих крепеньких мальчишек-близнецов и маленькой дочки, Ллис понимала тревогу своей названной сестры, но, хорошо зная брата, не сомневалась в его чести. – Он слишком привязан к ней, чтобы обидеть.

– Боюсь, это столь же неизбежно, как гром, следующий за вспышкой молнии. – Брина улыбнулась одними губами.

Онья сосредоточилась и, ни на что больше не отвлекаясь, взывала перед своим мысленным образом загадочно прекрасного жреца-колдуна, своего ненаглядного Ридвейна. Жар ее заклинаний все нарастал, пока какой-то необъяснимый внутренний голос не побудил ее посмотреть в окно.

Ее глаза широко раскрылись при виде воплощенного отклика на ее мольбы, шагнувшего в лиловатом вечернем сумраке. Девушка вскочила, бросилась к дубовым дверям, обитым железными полосами, и, широко распахнув их, помчалась по аллее к тому, о ком так долго и страстно мечтала.

– Ты здесь! Ох, Ридвейн, я так рада, что ты наконец приехал!

Девушка уткнулась в его широкую грудь, и голос ее звучал приглушенно, но, сразу же чуть отстранившись и подняв голову, она спросила:

– Почему тебя не было так долго?

Ридвейн обнял одной сильной рукой ее изящную фигурку, в другой сжимая посох с наконечником в виде орлиной лапы, зажавшей в своих бронзовых когтях кристалл. Жрец опустил глаза и посмотрел на прелестное личико, лучившееся неприкрытым чувством, на которое он не смел откликнуться. По правде говоря, он и вообще не отважился бы прийти в Трокенхолт, если бы не настоятельная просьба сестры встретиться с ней здесь. Да, только любовь к сестре и понимание отчаянного положения, в котором та находилась, призывая его, заставили его рискнуть и вернуться в пленительные сети, сплетенные сладчайшей невинностью и запретной любовью.

И все-таки ничто не могло помешать ему вкусить от действительности после бесчисленных грез наяву и ночных сновидений. Огромные зеленые, с серебристыми искорками, глаза царили на маленьком личике с высокими скулами и остреньким подбородком, а розовые, как лепестки, губы – верхняя, выгнутая, как лук, и полная нижняя – были бесконечно прельстительны. Особенно в эту минуту, когда едва не касались его собственных.

– Входи же, Ридвейн. – Голос Брины, донесшийся из-за открытой двери, разбил то опасное очарование, что было ей так понятно. Потом, уже более мягко, она добавила: – Тушеное мясо и свежий хлеб на столе, они ждут тебя...

Ридвейн взглянул поверх белокурой головки Оньи, улыбнувшись и как бы извиняясь за минутную слабость и благодаря за вмешательство. К тому же он и вправду был голоден, да и во рту пересохло.

– Надеюсь, что кружка хорошего эля для меня тоже найдется, – громко рассмеялся друид.

Девушка по-прежнему держалась с ним рядом, но он, теперь уже сдержанно, с братской нежностью, обнял ее за талию и повел в дом, где пылал в очаге огонь, такой чудесный и жаркий в этот прохладный весенний вечер.

Три женщины и мужчина уселись за стоявший на возвышении стол хозяина дома, который отправился в поход с королем защищать владения от врагов. Когда Ридвейн сел между сестрой и названной матерью, Онья стало очень больно – она поняла, что он сделал это умышленно, стараясь держаться подальше.

Онья почувствовала, что должна снова замкнуться в своей обычной раковине молчания. Тогда ей, возможно, позволят остаться и упиваться видом возлюбленного, наслаждаться его близостью, смотреть на него и слушать его голос. Заговорить – значило рисковать. А вдруг ее отошлют из комнаты, как ребенка, так же как ее братьев и ребятишек Ллис, которые уже пошли спать? Раздумывая об этом, она отчетливо поняла, что ее раковина – это ее броня. Уйдя в нее, она станет почти невидимой для окружающих, занятых важными вопросами. Усевшись на свое место, девушка приготовилась к долгому спокойному ожиданию.

Терпение? Спокойствие? Напоминание о подобных чувствах было просто насмешкой, и губы ее дрогнули в легкой улыбке. Чувства эти были частичками, составлявшими ее раковину, полезной привычкой, благодаря которой она слышала и узнавала массу интересных вещей. И все-таки Онья боялась, что недостаток терпения погубит ее. По правде говоря, ее удивляло, что, несмотря на свои магические умения, ни один из этих троих ни разу не догадался, что за ее внешним спокойствием скрывается неистовый дух, жаждущий разорвать оковы, вырваться из стесняющей его раковины.

«Интересно, – подумала Онья, – случается ли такое с матерью, с Ллис или Ридвейном? Подвергается ли подобному испытанию их безмятежное спокойствие, столь необходимое для друидов?»

Почти очистив тарелку с ароматным рагу и смоченным в его соусе хлебом и как следует отхлебнув из громадной глиняной кружки с элем, Ридвейн приготовился слушать сестру.

– Недели две тому назад в Оукли пришел путешественник. Путь его лежал через Уэссекс и Мерсию, и вот наконец он подошел к воротам нашего замка. За пищу и кров, предоставленный ему на ночь, он передал нам вот это послание.

Ллис бережно достала сложенный вчетверо квадратик пергамента и подтолкнула его к брату. Ридвейн отодвинул в сторону деревянное блюдо с мясом. Только после этого он осторожно придвинул к себе драгоценный пергамент. Ветхая бумага хрустнула, разворачиваясь. Несколько кусочков свечного сала упали на голые доски стола. Поначалу он этого не заметил, с головой углубившись в чтение.

Ридвейн едва смог разобрать послание: «Здоров, но в камне».

Буквы были неровные, размытые, черные, выведенные, по всей видимости, грубо обточенным угольком из костра. Загадочное и неподписанное, в главном письмо все же не оставляло сомнений.

– Сложи кусочки свечного сала, – воскликнула Ллис, задыхаясь от нетерпения.

Она не сомневалась в происхождении письма с той минуты, как коснулась его, но жаждала убедиться, что брат, как и она, уверен, что это не жестокая мистификация. Ридвейн послушно сложил три самых больших куса, отломанных от свечки, – теперь сомнений не оставалось. Посредине была выдавлена стилизованная в виде вензеля буква, похожая на те, какие используются для украшения рукописей, скопированных писцами в монастырях.

Никто из сидевших за столом не мог усомниться, что знак оставлен перстнем с печатькой, металлические переплетения которого составляли первую букву имени Адама, мужа Ллис и Брины. Перстень был не простой – его подарил Адаму король Эсгферт в благодарность за то, что тот спас жизнь одному из его приближенных. Всегда осмотрительный,

Адам пользовался им, когда нужно был подтвердить какой-нибудь документ или подписать письмо.

– Боюсь, что если бы оно оказалось в руках врагов, жизнь Адама была бы...

Ллис содрогнулась, представив, как мужа бросают в морскую пучину или в бездонные топи болот, – и то и другое, хотя и тайно, практиковалось у тех, кто желал навсегда избавиться от врага.

Чувствуя, что расстроил ее своим замечанием, Ридвейн пожалел, что вовремя не смолчал. Желая отвлечь сестру от невеселых размышлений, он спросил:

– Откуда пришло послание?

– Тот, кто передал письмо, сказал, что получил его в Уэссексе от странника, направлявшегося на полудень, – тотчас же откликнулась Ллис. – Он сказал также, что тот, первый, не мог ему в точности объяснить, где или от кого получил письмо.

То, что невозможно было точно установить, откуда дошло к ним послание Адама, не удивило слушателей. Если только господин не посылал своего доверенного гонца, большинство письменных сообщений проходило через множество рук, прежде чем достигало адресата.

Наконец с ужином было покончено. Трое друидов шептались за столом на помосте, и Онья тихонько встала. Выскользнув из дома незамеченной, девушка быстро сбежала по деревянным ступенькам и, обогнув центральную башню замка, оказалась в дубовой роще. Почти двадцать лет назад в честь своей молодой жены отец посадил деревья рядом с теми старыми, могучими, которые давно уже росли здесь.

Приближаясь к священному дубу, Онья тихонько и почтительно напевала стихи молитв, испрашивая разрешения воспользоваться его прикрытием. Перед восходом луны мрак объял все вокруг. Но Онья только этого и ждала. Подобрав бледно-желтые юбки, заткнула их за пояс, сплетенный из тростника, так что подол теперь едва доходил ей до бедер, и принялась карабкаться по стволу. Жесткая, шершавая кора царапала ладони, и девушка опасалась, что полотняные юбки, хотя и заткнутые за пояс, порвутся и надо будет как-то объясняться с матерью. И все-таки она ни о чем не жалела.

Девушка едва успела уместиться в развилке между толстым суком и стволом, когда те трое вошли в дубовую рощу. Ридвейн положил обрывок пергамента на плоский камень под дубом. Затем он, Ллис и Брина встали, образовав треугольник, и взяли друг друга за руки. Закрыв глаза, немного постояли молча. Потом, вытянув вперед руки и касаясь друг друга только кончиками пальцев, друиды затянули печальную и прекрасную песнь. Дикая, необузданная мелодия то стихала, то вновь набирала силу. Голоса их взлетали все выше, друиды двигались все быстрее.

Скрытая ветвями, девушка трепетала, зачарованная гармонией заклинания, в котором она, по давним и смутным преданиям, узнала вечную триаду умиротворенной мощи. Да, хотя ритмичные строфы звучали теперь с другой целью, это, несомненно, был всемогущий обряд, способный обратить в бегство бесчисленную армию врагов.

Когда последние звуки волшебного заклинания утихли, каждый из певцов по очереди коснулся камня, на котором все еще покоился обрывок послания. К удивлению девушки, сам камень засиял злым зеленым светом, став прозрачным, как воды морского залива. Устремив взгляды в это сияние, друиды один за другим заговорили о том, что открывалось им в прозрачной глубине.

– Я вижу людей в доспехах древних завоевателей.

Брина узнала доспехи благодаря тому, что они переходили из поколения в поколение их рода.

– Я вижу леса на полудне и ревущее море за ними, – как зачарованная, проговорила Ллис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.